

18+

Василий Лягоскин

*Все цвета
радуги*

*Книга вторая:
Большая Степь*

Василий Лягоскин

**Все цвета радуги. Книга
вторая: Большая Степь**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Все цвета радуги. Книга вторая: Большая Степь / В. Лягошкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511503-4

Большое приключение в мире Каррина продолжается. Теперь Михаил Столбов барон, со своими землями и подданными. Оказывается, это не так просто — людьми командовать. Теперь не только за себя, но и за их действия отвечать приходится...

ISBN 978-5-00-511503-4

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Большая Степь – столица графства. Павлик Морозов	6
Глава 2. Гара, столица графства. Барон ван Столбов	20
Глава 3. Корабль «Этрия». Младший герцог ир Этринский, Глава Тихой стражи	41
Глава 4. Гара, река и столица графства. Барон ван Столбов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Все цвета радуги Книга вторая: Большая Степь

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2020

ISBN 978-5-0051-1503-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-0750-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Большая Степь – столица графства. Павлик Морозов

Может, кто-то и думал бы на месте Пашки, что не хотел он идти на эту экскурсию; чувствовал, что такая чудовищная катастрофа с ними произойдет. А вот он не думал и не чувствовал. С удовольствием пошел; тем более, вместо уроков. Сергей Николаевич, их классный, так классно такие экскурсии проводит. И сам все знает, рассказывает, и людей интересных зовет.

Вот и в этот раз – что может быть интересного в полах? А Сергей Николаевич пригласил такого, что все раскрыв рот слушали, как высоченный, весь в черном, поп, рассказывает про Владимирскую Русь, про сам Владимир, бывшую столицу, и про князей, что правили здесь когда-то. И не только одноклассники Пашкины, ребята и девчонки слушали, и поворачивались вслед за рукой этого батюшки, и смотрели на храмы владимирские, на Клязьму, на высоком берегу которой они и стояли, на смотровой площадке. И китайцы тут рядом крутились, щебетали на своем и фоткали все подряд, особенно друг друга на фоне Успенского собора. И другие – местные зеваки, и двое других попов тоже замерли, хотя знали, наверное, про это все не хуже «ихнего» батюшки.

А потом кто-то закричал; Ленка Баранова, наверное – она раньше всех все замечает. И все повернулись на ее крик, а потом туда, куда показывала ее рука; как раз в сторону Клязьмы. А оттуда летело что-то огромное и черное. Павлик набрал полную грудь воздуха, чтобы выпустить его, подхватить общий вопль, который становился все громче и громче. Но не успел. Выпустил, конечно, но уже лежа на холодной и мокрой траве. И кто-то рядом продолжал кричать.

– Опять Ленка, – прислушался Павлик; и тут же обрадовался, – а это Сергей Николаевич!

– Лена, прекрати кричать. Все уже прошло.

– Что?! Что уже прошло? – продолжала истерить, всхлипывая, Ленка. – и где мы теперь, Сергей Николаевич?

– А действительно, где?

Фигура классного выросла над травой, и Паша первым последовал примеру учителя. Вскочил, и принялся отряхивать себя – школьный пиджачок, брюки... от воды, которой тут, кажется, было пропитано все. И в воздухе тоже висела морось. Будто прилипла там, не падала. А сейчас принялась облеплять мальчишек и девчонок, стягивающихся в круг, центром которого был учитель.

А за этим кругом уже начали щебетать китайцы; кажется, все сразу.

– Вот это мы попа-а-али! – вдруг хохотнул рядом Максимка Погорелов по прозвищу Каланча; до прошлого года он был Горелым, но в свои двенадцать лет почти догнал по росту Сергея Николаевича, и стал Каланчой, – точно попали!

– Как попали, и куда? – строго спросил классный.

– Попали! – едва не завизжал от какой-то непонятной радости Каланча, – в другой мир попали. Я знаю, я читал! Про попаданцев. Нам надо теперь идти вниз по течению реки, пока на село или на город не наткнемся. А уж там мы разверне-е-емся...

– Никуда мы разворачиваться не будем, – осадил его радость Сергей Николаевич – вызовем сейчас спасателей, и будем ждать. Ну, или пойдем все вместе, чтобы никто не потерялся – и будем искать место посуше.

Все, как по команде, достали мобильники. И сам Сергей Николаевич тоже. И китайцы – по примеру школьников. И даже попы – они все трое тоже стояли здесь, в мокрых рясах. Увы – связи не было. Совсем. Даже одного кубика.

– Ну, я же говорил, – возбужденно запрыгал на месте Каланча, – точно попали. Сейчас еще надо на небо посмотреть – есть ли там следы от самолетов, и пошарить по окрестностям. Если пластиковых бутылок и другого мусора нет, значит...

Действительность подтвердила его слова самым кошмарным способом. Рядом вдруг возникли, и закружили вокруг толпы какие-то всадники. Они что-то весело (а может, злобно) кричали. Ни одного слова Павлик не понял. Судя по всему, никто не понял. А всадники прижимались к людям все ближе, сбивая их в одну плотную массу вокруг древнего русского князя на коне. Бронзового – того, что стоял прежде на смотровой площадке у собора, а теперь оказался вместе с ними здесь, в мокрой и холодной степи. Кто-то из них крикнул чуть громче, и кружение это остановилось. Один из незнакомцев спрыгнул с коня; так легко и непринужденно, что Паша невольно позавидовал. Он тоже хотел бы уметь вот так скакать по степи, даже без рук на руле, или как их там?...

– Уздечка, что ли? – отстранено думал Морозов, чувствуя, как заполняется страхом; теперь он дрожал именно от этого противного чувства, а не от сырой влаги, – надо было раньше спрашивать, у соседа, Миши. Или дяди Миши – никак не мог решить, как с ним говорить. Он тоже занимался конным спортом, и от него иногда пахло так же, как вот от этого...

Впрочем, сейчас пахло резче и противней; и как бы застарелый человеческий пот не шибал сейчас от всадника сильнее, чем лошадиный. Но главным был не запах. Главными были глаза – хищные, бесшабашные; готовые, наверное, на все. Вот так смотреть мог другой сосед, из второго подъезда. Имени его Паша не знал, но бабушки на скамейке у подъезда утверждали, что этот парень наркоман. Пашка пару раз пересекся с ним взглядами, и с тех пор старался обходить наркошу далеко стороной, как только замечал его зеленую курточку. В которой тот ходил круглый год.

И еще одна мысль, совсем, кажется, не к месту, ворвалась в голову – пока всадник подходил именно к нему, Павлику Морозову. Подходил медленно, вальяжно; по-хозяйски. И шарил цепким взглядом по лицам и фигурам, замершим перед ним – словно выглядывал кого-то. Этот взгляд остановился на секунду на его, Пашином лице, и мальчик задрожал уже совершенно открыто, крупной дрожью. А когда он (взгляд) скользнул мимо, и пришла эта самая мысль:

– Говорила же бабушка, чтобы куртку надел. Выпендрился, называется. Вон – та же Ленка сейчас, наверное, не мерзнет. А, нет...

Незнакомец остановился как раз перед Барановой, и Паша понял, как выглядел совсем недавно сам – вот так же его тело сотрясала крупная дрожь, и глаза несчастная жертва не могла отвести от всадника.

– Как в сказке, что читала мне бабушка Поля, – вспомнил вдруг Павлик, – про Маугли. Так, наверное, смотрели... как их там? Во – бандерлоги, на змея, Каа. А я тогда смеялся в подушку – чтобы бабушку не обидеть. Вот как это, оказывается, бывает.

Что-то, вернее, кто-то шевельнулся в неподвижной толпе. Павлик поднял голову; увидел лицо Сергея Николаевича, выражающее строгость и желание защитить всех их, своих подопечных. Паша почему-то понял именно так. А классный подтвердил, пока только на примере Ленки. Он шагнул к ней, обнял девочку так, что она сквозь мужскую руку не могла уже видеть этого жуткого мужика в мокрой коже, с саблей на боку, и еще чем-то, не определяемым пока. Паша даже собрался зажмурить изо всех сил глаза, чтобы не смотреть, как этот мужик; нет – парень, не старше двадцати пяти лет – вытащит свою саблю, и взмахнет ею...

Почему-то мальчик был уверен, что этот парень, ростом почти с Сергея Николаевича, а в плечах гораздо шире, спокойно, улыбаясь вот так же, как сейчас, сможет опустить свое острое оружие на голову классного, или Ленкину, или его собственную, Пашину. Но страшного не произошло. Степняк (в степи ведь мы, правда?) явно углядел кого-то в стороне, поспешил туда, но все так же важно, уверенно. И выцепил все же взглядом, а потом и рукой, так

и не выхватившей оружие. Выцепил кого-то из китайцев. А точнее – китаянку; это Паша смог различить. Хотя одета она была в брючный костюм.

Что-то гневно залопотали ее соотечественники. Особенно один; родственник, наверное. Он даже вышел вперед, размахивая руками. Степняк тоже махнул – один раз, свободной, левой рукой. Но китайцу хватило. Он влетел в толпу, как шар в кегли, сбив с ног сразу несколько человек. А парень потащил за волосы китаянку, упавшую на траву и тихо подвывавшую от ужаса и боли. Недолго тащил. До того самого момента, когда на его пути вдруг выросла черная фигура. Тот самый батюшка, изъяснявшийся прежде вполне понятно, на хорошем литературном языке (так им училка в школе говорила, по литературе и русскому), начал что-то гневно выговаривать степняку, почему-то сейчас почти непонятно – на каком-то старославянском. Так в церквях молитвы читают. Сам Паша в храмы не ходил, но по телику видел. Редко, но видел.

Степняк вроде как испугался, даже жертву свою отпустил. А та, вместо того, чтобы рвануть, хотя бы на четвереньках, подальше, к своим, как упала, так и осталась лежать на мокрой траве, обхватив голову руками. И всадники, по-прежнему кружившие вокруг толпы, вдруг громко загалдели. Их строй сломался, и образовался новый – напротив батюшки, и двух его коллег, шагнувших вслед за ним из толпы. И в руках у всадников, у всех, кого отмечал испуганный взгляд Павлика, уже были луки, с наложенными на них стрелами.

А тот, кто и организовал вот этот конфликт, шагнул в сторону, и произнес короткое слово. Одно. Команду, наверное. И все всадники отпустили тетивы. Батюшка, чью грудь и живот, и левый глаз пронзили стрелы, еще постоял, воздев вперед и кверху правую руку, в которой был зажат здоровенный крест. Двое других упали сразу. А стоявший впереди священник еще попытался повести головой в их сторону – словно посмотреть напоследок оставшимся целым глазом. Но не случилось; как понял оцепеневший от ужаса Морозов, умер раньше. И повалился вперед очень аккуратно – опустившись сначала на колени, а потом завалившись так, что голова оказалась повернутой в сторону, и торчащий в глазу кончик стрелы с оперением не уперся в землю, и не сломался. Трава там, где лежали попы, была уже основательно примята, и потому Паше были прекрасно видны и три тела, и лицо священника, и его правый глаз, так и не закрывшийся, глядевший в мир с укором. Так Павлик решил. А степняк на этом не успокоился. Подошел к трупам, и вытащил из ножен какой-то здоровенный ножик.

– Кинжал, наверное, – отстранено фиксировало Пашино сознание; совершенно без его осмысленного участия, – зачем? Не видит, что ли, что они уже мертвые, убиты.

Все степняк видел и понимал. Стоял-то ближе кого другого – да прямо над телами и стоял. Вот он наклонился, и в несколько резких ударов отрубил голову священника. А потом наклонился над следующим...

– Опытный, – в мальчишке словно проснулся сейчас кто-то чужой; взрослый и циничный, – не в первый раз, наверное, такую процедуру проводит.

Рядом, по обе стороны, издавали какие-то непонятные звуки девчонки. Да и пацаны не сдерживались. Нет – старались, конечно, орать не так громко, как хотелось. А степняк, переходя к третьему трупу, еще и повернулся, улыбнулся как бы не поощряюще – мол, орите, орите погромче; мне это даже приятно.

С лошадей прыгнули еще трое. И эти явно были натренированы на такие вот действия – на убийство людей, и обращение с их останками, как с... Паша, вернее тот, кто фиксировал все, как на камеру телефона, даже не смог сразу подобрать слова; чтобы не обидеть погибших. А скулеж вокруг не утихал. Павлик сам едва сдерживался, сжав зубы что было сил. Степняки, между тем, сложили тела пирамидкой. Один даже выложил на верхнем отрубленные головы в рядочек; отступил на пару шагов, вроде как любовался на творение своих рук. А потом начал спорить о чем-то со старшим – тем, кто прыгнул с коня первым. Но тот ответил спокойно, как-то с ленцой, и провел рукой кругом, показывая в степь, краев которой в измороси не было видно. Что уж там разглядел спорщик, Паша не понял, хотя тоже повел головой сле-

дом за рукой вождя степняков. Но спорщик явно успокоился, рассмеялся, и выкрикнул громче несколько слов.

– Имена, – понял кто-то за Павлика, – зовут, что ли?

На зов этого степняка откликнулись еще семеро.

– Сколько же вас всего? – задал Паша вопрос себе сам, а точнее тот, кто вдруг проявился в голове, – десятка три, не меньше. Но на нас всех даже десятка хватило бы. Да вожак один справился бы. Если только среди китайцев Джеки Чана нет. Или, там, Брюса Ли.

Никого подобного в ряду китайских туристов не оказалось. И они лишь молча глядели, как выводят из их рядов, и ведут куда-то в степь, за стену влаги, уже оформившуюся в самый настоящий дождь, восемь китайянок. Девятую, до сих пор лежащую на траве, так же за волосы потащил за собой вождь. Зачем их потащили? Павлик знал. И все вокруг тоже знали – не маленькие, по двенадцать лет уже многим стукнуло. Но раньше это знание было каким-то приятным, хотя и немного стыдным. Вполне понятным, в подробностях. Из интернета в первую очередь, как бы не боролась с этим явлением баба Поля. А вслух говорить об этом в школе решался только Каланча. И его жадно слушали. Даже девчонки, хотя морщились для виду, и старались отойти подальше. Но так, чтобы все-таки было слышно.

– Закладывали, конечно, Каланчу, – Паша постарался загрузить себя всего мыслями о недавнем прошлом, – ну так его и без того постоянно к директору вызывали. Но у Каланчи папа полковник полиции, в областном управлении работает. Макс, конечно, не хвалится этим, но все знают. И директор тоже... знал.

Сквозь не умолкающий скулеж Паша вроде расслышал в той стороне, куда увели пленниц, какой-то шум, даже вскрик. Но все тут же перебили другие, более громкие вопли. Это оставшиеся на конях степняки, перестроились в очередной раз. Теперь их строй представлял собой полуокружность, которая медленно, но неуклонно двигалась вперед, тесня чуть поредевшую толпу. Она все также не смешивалась – отдельно пятиклассники со своим учителем, китайцы с застывшими неподвижно лицами, и еще одна пара, явно русские. Пожилые мужчина и женщина, которым тоже захотелось полюбоваться в этот день сверху на Клязьму. Эти двое служили как бы прослойкой между другими, более крупными группами. У Паши даже не возникло мысли броситься вперед и в сторону; советчик внутри подсказывал, что ничем хорошим это закончиться не может. А вот у Каланчи, видно, такого подсказчика не было. И он рванул, выждав момент, вперед, забирая вправо, за пределы дуги из всадников. Которые вроде как расслабились, и двигались за пленниками негромко переговариваясь, а чаще просто смеясь. Как будто в таком вот боевом походе можно было расслабляться. Такая, совсем несвойственная пацану мысль тоже пришла в голову Морозову, когда он увидел, как за Максом рванули еще двое, или трое, и тут же замерли, а потом юркнули назад, в толпу, под крылышко Сергея Николаевича. Потому что перед Каланчой выросла фигура лошади с всадником, и последний взмахнул рукой.

– Не сабля! – выдохнул Паша, – плетка какая-то. Но все равно, наверное, больно.

Макс издал душераздирающий крик, и дернулся назад. Но толпа уже и сама догнала его, растворила в своих рядах. И там, в лице той самой тетеньки, пока незнакомой, принялась оказывать первую помощь. Прямо на ходу. А из всадников, включая того, кто вернулся сейчас в общий строй, никто и никак не показал своего отношения к произошедшему. Словно не было попытки побега, этого отчаянного крика Каланчи, и крови, которая текла сейчас из-под его ладоней, прижатых к лицу. А их старался отнять мужик из пары; тетечка же уже где-то раздобыла длинные полоски ткани, и готова была обматывать ими пострадавшего.

В толпе, где все перемещались хаотично, загораживая друг друга, весь процесс разглядеть было невозможно, да и по сторонам Павлик крутил головой, хотя ничего нового, кроме все того же моря мокрой пожелтевшей травы, видно не было. А когда он в очередной раз увидел Макса, тот уже угрюмо взирал на мир одним лишь левым глазом. Правый глаз, как и прак-

тически все остальное лицо было туго замотано тряпками; как сейчас присмотрелся Морозов, того же цвета, как платье незнакомой женщины. Стал ли короче у нее подол? Ответить Паша на свой вопрос не смог – трава мешала, и люди. А потом что-то новое почудилось ему в степи. Но, как не вглядывался, ничего обнаружить не смог. Глазами. Но нос явственно ощущал перемены. Какие-то запахи появились.

– Вроде дымком запахло. Не шашлычным, но все же... жилье, наверное, впереди. Может, Каланча все напридумывал? Может, выйдем сейчас к нормальным людям, где полиция, больница... Макс отцу своему позвонит; Ленка – своему папке, он у нее в городской администрации работает. Ага – так эти звери нас к цивилизации и выведут. Жди! К своему жилью они нас ведут. Надеюсь, не людоеды?

Пашку опять затрясло. Теперь уже безостановочно. Он вдруг громко, и неожиданно для себя самого, чихнул. И – словно плотину прорвало. Кругом тоже зачихали, закашляли. Морозов, высморкавшись прямо пальцами, поймал взглядом учителя. Сергей Николаевич растерянно крутил головой. К такому повороту событий он явно не был готов. Да такое вообще вряд ли кто мог представить!

Паше даже стало его немного жаль. Не так сильно, конечно, как себя – чего уж тут врать самому себе, но все же... За этот год, что Сергея Николаевича поставили руководить их классом, сам Павлик резко поменял отношение к учителям вообще. Вот из-за него, такого нескладного на вид, но умного, все знающего, а главное – уважающего своих подопечных, как равных. Это Паша чувствовал, не вникая в подробности; как и все остальные, наверное. Даже Каланча ни разу не съязвил в сторону Сергея Николаевича.

А впереди уже затемнели какие-то точки. И было до них... Павлик тяжело вздохнул. Идти по траве, что разрослась здесь по пояс, да под дождиком, да в первом ряду – чтобы принять немного ее для девчонок, что жались позади к Сергею Николаевичу... Паша себя героем не считал; и про девчонок подумал только сейчас. А вообще-то он шагал впереди, чтобы лучше видеть; вот подгоняло его какое-то чувство. Даже, точнее, надежда – что там, впереди, все образуется. Что их обогреют, накормят, позвонят. И баба Поля приедет, и заберет его с собой. И лечить будет от насморка своими настойками на травах, горькими, но реально изгоняющими хворь.

Жилье в степи предстало перед уставшими, едва переставляющими ноги пленниками в виде каких-то огромных кибиток, стены которых были сплетены все из той же травы. Это Павлик понял, когда они подошли вплотную, и пошли вдоль окружности этой стены – к выходу, или входу, что сейчас было правильной. Даже сквозь эту плотную, туго спрессованную преграду несло неприятным запахом. Павлика никогда не возили в деревню; обе бабушки жили в городе. Но что это так резко пахло скотом, его местом пребывания, он понял. Да и смрад этот не сказать, чтобы совсем не был ему знаком. Так пахло от передвижных зоопарков, что каждым летом оккупировали парки Владимира.

Наконец, толпа остановилась у темнеющего, чуть пугающего неизвестностью входа. Что за звери могли там ждать детей и взрослых? Но и внутрь Паше хотелось попасть – туда, где сухо и тепло. А еще писать хотелось неимоверно. По пути он постеснялся сделать это, как пара других пацанов, а теперь жалел об этом и терпел. Судя по тому, как перешептывались девчонки, наконец-то отлепившиеся от учителя, весь этот комплекс внутренних проблем был и у них. Степняки спешили. Ну, и другие подтянулись – почему-то все взрослые. И это не только он, Паша, заметил. Тот мужик, что помогал перевязывать Макса, пробормотал вполголоса:

– Какой-то стан полевой, что ли? Скотоводы. Юрт не видно, одни эти кошары. Но скота нет. Пасется, наверное, где-то.

Их начали запускать внутрь. По одному, тщательно обыскивая, и отнимая практически все, кроме одежды. Девчонки вскрикивали, и ругались громко, вслух; когда их лапали без всякого стеснения. Некоторые – та же Ленка, к примеру – так вообще матом завернула,

таким отборным, совсем по-взрослому. А степняки – и обыскивающие, и наблюдавшие за этим занятием, только громко хохотали. Наконец, и Паша попал в пару сильных, и бесцеремонных рук. Но его обшмонали быстро. Отобрали рюкзачок школьный, а с ним планшет, мобильник и ножик. Хороший ножик; настоящий швейцарский мультитул, на двенадцать лезвий, включая ножницы и шило. Степняк, наверное, не сообразил, что держит в руках настоящее сокровище; бросил его в большой кожаный мешок, который уже заполнился наполовину.

Наконец его тычком в спину втолкнули внутрь. Там, в полутьме, действительно было сухо. И заметно теплее, чем на улице; ветра не было совсем. Но запах сухого помета здесь был густым, настоящим. И под ногами перекатывались какие-то катышки, покрывавшие земляной пол неравномерным слоем.

– Говно, – равнодушно констатировал Пашка, направляясь в дальний угол, – баранов каких-то, наверное.

Вообще-то у круглой в плане кошары, диаметром где-то метров в двадцать, никаких углов не было. Но писать-то хотелось! И не только ему. Рядом пристроился Каланча; еще двое. Потом и несколько китайцев подошли. Хмурых по-прежнему. Паша старался не коситься в сторону – туда, где девчонки образовали свой кружок, закрывая попеременно друг друга.

– Так, – резко, как выстрел прозвучал хлопок ладоней Сергея Николаевича, – запомнили все место, где сейчас стоите. Ну, или присели (он боднул головой воздух в направлении девчоночьих «посиделок»). Вот туда только и ходить. А в этих углах у нас будут, так сказать, спальные места.

Он показал теперь в ту часть стены, что примыкала к выходу, и продолжил:

– И главное – без паники. Сейчас главная задача – выжить. Что бы не случилось, просто выжить. А помощь придет, я уверен!

Вот Паша никакой уверенности не чувствовал. Нет, она была – в том, что его и других мальчишек и девчонок жизнь круто поменялась, и возврата к прежней не будет. А тут еще и тетка, что лечила Каланчу, подтвердила это невольно словами, которые она прошептала на ухо своему спутнику. Слишком громко прошептала, а у Павлика вдруг прорезался необычайно острый слух:

– Мы-то ладно, пожили свое. А что вот с этими ребятами будет? Их-то за что сюда?

Первую часть этого выкрика души Паша часто слышал раньше, от бабушки Поли. Она тоже частенько смотрела так на него, и друзей, когда они играли во дворе. И от этого воспоминания парнишка проникся вдруг теплым чувством к этой женщине, да и к мужичку тоже, сейчас обнимавшему свою спутницу за талию

– Муж, наверное, – решил он, – дети там остались, внуки, быть может...

Но задавать эти вопросы он, естественно, не стал. Тем более, что Сергей Николаевич уже организовал общественные работы. Дети, а за ними и китайцы – в своей части «спальни» – принялись обустраиваться. Под этим громким словом сам классный понимал единственно возможное для них действие – сгребание в сторону куч сухого навоза.

– Тише, Максим, аккуратнее, – остановил Сергей Николаевич Каланчу, который, к удивлению Паши, первым ринулся в бой за чистоту спальных мест; принялся сдвигать кучи своими башмаками сорок второго размера (сам показывал, хвалился) так рьяно, что его фигура тут же окуталась едким облачком. По крайней мере, Макс и сам без команды рванул оттуда в сторону, и уже ближе к «туалету» расчихался по-настоящему.

Но место все же подготовили. Не стали делить на мужское-женское, просто разбили на расчищенном пространстве отдельными кружками – мальчишки вокруг Сергея Николаевича, и мужика, назвавшегося Виктором Федоровичем, майором в отставке. А девочкам что-то тихо рассказывала его жена, Альбина Александровна, которая по-прежнему работала медсестрой. Впрочем, бывший майор тоже, кажется, где-то подрабатывал. Они были москвичами,

и во Владимир приехали к дочке и внукам. Так что Паша тут угадал. И теперь дед с бабушкой тихо радовались тому, что не взяли внучку с внуком на эту прогулку.

Сам Паша привалился спиной к упругой травяной стенке, и незаметно для себя задремал. А когда вынырнул из забытья, в кошаре уже царил ночная темень, и люди вокруг негромко сопели, вскрикивали, а иногда издавали и вовсе непотребные звуки. Он потянулся было сидя, скривился от онемения, которое охватило практически все тело, и аккуратно сполз на пол, ввинтился между телами, вызвав недовольное бормотание сразу двух своих соседей. Здесь было по-настоящему тепло, даже от пола не тянуло холодом. И он заснул теперь крепко, без сновидений.

Утро было тяжелым, беспросветным. Не хотелось вставать, но пришлось – бежать в тот уголок, который уже отгородили непонятно откуда взявшимися тряпками. От ужасного запаха они, конечно, не спасали, но присесть здесь без особого стеснения было возможно.

Потом он опять присел, как вчера, у стены. Дремал, и слушал вполуха рассказ неунывающего Каланчи. Тот – по собственной инициативе, или по просьбе остальных – как раз пересказывал какую-то книжку про попаданцев.

– Лихо как у него там получалось, – неторопливо думал Павлик, имея в виду главного героя рассказа Макса, – но нам такое не грозит. Да мы и не умеем ничего, дети еще. И инструмента с оружием, как у этого героя нет – совсем ничего. Даже ножик последний отобрали. А кормить тут будут?

Он даже встрепенулся, отозвавшись недовольной гримасой на громко заурчавший живот. А кто-то словно услышал его. Павлик почему-то вспомнил вчерашнего священника, и его двух спутников, оставленных в степи. Может, как это когда-то рассказывала баба Поля, и у них появились свои ангелы, или святые покровители, что заставили сейчас дикарей-степняков оторваться от своих дел, и принести им завтрак. Впрочем, эти мысли, которые был способен родить скорее взрослый ум, тут же вылетели из головы, как только до ноздрей донеслись запахи еды. Если быть точнее – жареного мяса. Четверо степняков внесли, чуть не кряхтя, два огромных котла. Обычных, с круглыми доньшками, и ножками, приделанными так, что котлы эти не опрокинулись, когда их установили посреди кошары, и из них ничего не выплеснулось, хотя Паше даже с его места у стенки было видно, что обе посуды полны до краев.

– Не пожалели, гады, – невольно похвалил «гостеприимных» хозяев Морозов, – от души навалили.

Он котла исходил такой мощный дух жаркого, что не только Павлик, но и все вокруг едва не ломанулись вперед, к центру их теперешнего жилья, где под одной крышей и без перегородок совместились все.

– В том числе вот и столовая, – опять совершенно по-взрослому подумал Павлик, – ага – Каланча, как всегда, первый.

Макс действительно вырвался вперед – хотя степняки даже не вышли еще из кошары. Один из них обернулся, сказал что-то, и все четверо засмеялись; как показалось Паше, совсем не обидно. А Каланчу, уже нацелившего свои руки в горячее варево, догнал общий окрик Сергея Николаевича и Альбины Александровны: «Стоять!». Макс замер на месте, и тут же подпрыгнул – это ему в спину впечаталась какая-то посуда, похожая на кружку, только без ручки. Это тот самый смешливый степняк швырнул ее прямо от двери. Кружку тут же приватизировала Альбина Александровна, а Сергей Николаевич встал грудью против потока голодных детей; китайцы пока не спешили.

Павел, вставший за девочками, увидел, что во втором котле чуть колыхнется, замирая, вода. Вот из этой посуды женщина, взявшая на время завтрака-обеда власть в свои руки, и зачерпнула осторожно воды.

– Сначала руки мыть, – заявила она безапелляционно, – а ты, Виктор Федорович, сходи, попроси каких-нибудь приборов столовых. Хоть ножей, что ли?

– Да как же я попрошу? – даже растерялся бывший военный, – я же их языка не знаю.

– А ты жестами, жестами объясни, – посоветовала супруга, показывая левой рукой, словно что-то хлебает ложкой.

– Ну, попробую, – пожал плечами бывший майор.

Пока он отсутствовал, очередь на мытье рук продвинулась; так что и Паша этот моцион совершил. А когда повернулся к двери, там уже стоял ее муж с еще более растерянным лицом.

– Даже слушать не стали, – заявил он с обидой в голосе, – посмеялись и все. Велели сидеть тут и не рыпаться.

– Вот видите, Виктор Федорович, – с доброй усмешкой ответил ему Сергей Николаевич, – а говорили, что языка не знаете. Вон как успешно объяснились.

Майор, кажется, даже покраснел – Паше его лицо на фоне светлого пятна двери было видно не очень хорошо. А вокруг раздались смешки, которые перебил – в который уже раз сегодня – уверенный женский голос. На этот раз Альбина Александровна обращалась к китайцам:

– А вам что, особое приглашение нужно? Или вы русского языка не понимаете?

– Не понимают они, Альбина Александровна, – встал на защиту иностранных граждан Сергей Николаевич, – только по-своему.

– Они еще английский знают, – заявила вдруг Ленка Баранова, хвалившаяся на каждом шагу, что знает язык Шекспира, как родной.

Ее, знал Морозов, родители чуть ли не с пеленок дрессировали в иностранном языке. Но вот когда она успела пообщаться с иностранцами?

– А-а-а..., – догадался он, – так они же между собой переговаривались. Вот кто-то и решил, наверное, свой английский показать. А Ленка, настырная, все замечает.

– Ну, тогда помогай, – кивнул ей классный, – зови их сюда.

Баранова действительно быстро затараторила по по-ненашенски, а Пашу опять отвлек Каланча. Вообще-то это Баранова всех отвлекала, а Макс воспользовался, выловил из второго котла здоровенную кость с мясом.

– И не горячее уже, – сказал он, все же дуя на исходящий паром кусок, – фу, не соленое совсем!

Но вгрызаться в мосол не перестал. Ну и остальные подтянулись, встали в живую очередь, которой теперь командовал Сергей Николаевич. Настал черед и Павлика. В котле было еще больше половины, но поверхность, взбаламученная до него, состояла из толстого слоя жира. Вот в него и пришлось Павлику окунуть руку почти на всю ладонь, чтобы зацепить себе кусок. Маленький; по сравнению с первым, Погореловским, совсем крошечный.

– Бери еще, – кивнул классный.

Второй кус был покрупнее и пожирней. Мясо действительно было несоленным, но Паша умял оба куска, даже не заметил как. И встал еще раз, уже в совсем короткую очередь.

– А вы, Сергей Николаевич, – спросил он у классного, который все так же стоял у котла, рулил очередь, – поели?

А за спиной учителя стояли и Альбина Александровна, и Виктор Федорович. Паша тормознул очередь, показал в центр котла пальцем – берите, я после вас. Совсем по-взрослому; и другие взрослые его послушались. И лишь после того, как они выудили по куску себе – мужчины руками, а Альбина Александровна той самой кружкой, Павлик нашарил в едва теплой уже жижке приличный такой кусок. Вообще-то такого количества мяса паренек раньше не ел. Не так богато они жили с бабой Полей. Бабушка, конечно, готовила лучше всех, и борщ у нее получался... нигде больше Паша такого не пробовал. Хотя в гостях он мало где бывал, но случилось, было с чем сравнивать. Но в бабы Полином борще мяса было...

– Ну, как в том, первом, маленьком куске, – решил Морозов, – еще, что ли, поискать? Во – лучше бульончику попить, вместо сырой воды.

Так он и сделал; дождался, когда тетя Альбина (так он решил называть ее теперь) опорожнит свою посуду, и вежливо попросил попользоваться. Вперед всех, даже раньше Каланчи. А потом, отяжелев от обильной и тяжелой пищи, снова привалился к стене. И заснул. Потом был ужин, ничем не отличавшийся от обеда, и еще один долгий сон. Паша словно впал в спячку. Кто-то что-то говорил; чаще всего Сергей Николаевич. Ребята ходили по кошаре, пытаясь найти себе занятие. Каланча в конце концов перестал бубнить про своих попаданцев – потому что никто его уже не слушал.

Но на следующий день, после обеда, что-то изменилось снаружи – какой-то шум и приветственные крики подсказали, что кто-то на этот стан приехал. Внутри кошары уже немилосердно смердело, но Павлик как-то притерпелся. Но вот сейчас, когда новые звуки вырвали его из спячки, мальчика едва не вывернуло наружу. А тут еще и в горле что-то запершило, и температура, вроде, поднялась. Так что он почти не отреагировал на тот факт, что людей из кошары начали выводить. Совсем отстраненно глядел, как на одного человека здесь становится меньше. А когда счет оставшимся дошел до последнего десятка, наружу вывели и его. Вышел сам, своими ногами, хотя мальчишку и шатало. Может, от начинающейся болезни, а может, от обилия свежего воздуха вокруг, в который его окунули, вырвав из вони кошары.

Дождя уже не было; над головой повисло большое оранжево-желтое солнце, а в самом стане произошли изменения. Появился высокий шатер, похожий на киргизскую, или там, казахскую юрту. А перед ним был постелен ковер, на котором сидел старик. Удобно так сидел, с подушками под локтем, и какими-то кувшинами и плошками на маленькой скатерке.

Старик поманил его пальцем, и Паша вдруг понял, что сопротивляться этому не высказанному вслух приказу он не может. Ноги сами переступали, и подогнулись в коленях, когда он подошел к ковру. И упал он на колени, и ткнулся лбом в самый краешек ковра, даже не попытавшись сопротивляться. На затылок ему легла теплая сухая рука, которая, казалось, проросла корнями, что пролезли сквозь кости черепа, и начали извиваться, укореняясь в его, Пашиных, мозгах. Вот тут Морозов запаниковал, и попытался сопротивляться. Не зная как, стал твердить лишь два слова, так и не сумев вспомнить молитву, которой учила его бабушка: «Господи Иисусе... Господи Иисусе... Господи Иисусе...». И перед глазами возникло вдруг не бабушкино лицо, а тот самый священник, не похороненный в степи.

Старик что-то недовольно проворчал, и отнял руку от головы парня. Но Паша так и не посмел поднять ее. Еще одна короткая команда, и крепкие руки схватили его за плечи и вздернули так, что он оказался в один уровень со стариком – глаза в глаза. В темных, почти фиолетовых глазах напротив было что-то невероятное, пугающее до дрожи в коленях. Отпусти его сейчас два степняка, что удерживали мальчишеское тело в нужном положении, и Павлик рухнул бы обратно. Но руки у них были крепкими, а Паша... утонувший было в глазах старика с концами, вдруг закашлялся; громко, захлеб. Так, что местный хозяин степи еще раз недовольно проворчал, и отодвинулся, отрывая от мальчика свои черные, страшные глаза.

– Не черные, – поправил себя Паша, переводя дух после кашля и других потрясений, – скорее, фиолетовые.

А перед ртом вдруг возникла какая-то чашка, которую держали крепкие пальцы с ногтями, которые «украшали» темные ободки грязи. Павлика чуть не стошнило – прямо на старика. Но тот чуть раньше скомандовал: «Пей!», – и Морозов понял это слово, и не стал противиться. Хотя степняк за спиной подстраховался, схватил другой рукой за горло – больно. До слез, до открытого машинально рта... в который и полилась горькая теплая жижа. По гортани, а потом по пищеводу потекло, расплываясь по груди, тепло. Когда Паша, уже передвигавший ногами почти уверенно, попал в другую кошару, еще не пропахшую их собственными отходами, это тепло заполнило все тело. И ничего уже не болело, хотелось пить и плясать.

– Какой-то наркотик, – решил Паша почти радостно, – ну и пусть – умирать будет веселее.

Впрочем, никто их лишать жизни не стал. Покормили еще раз; а на следующий день, ближе к обеду, вывели наружу – опять поочередно. Юрты уже не было, зато стояли лошади. Прилично так по количеству – и оседланные, и опутанные какими-то ремнями. Для чего предназначалась эта сбруя, Павлик понял чуть позднее, на собственной шкуре. Взрослым, включая китайцев, ремешками скрутили руки за спиной, и посадили в седла. И ноги потом связали, пропустив ремни под брюхами коней. Никто не сопротивлялся; понимали, что бесполезно.

Потом взялись за детей. Их грузили попарно. Вот для этого и была приторочена на лошадиные спины хитрая сбруя. Руки у Павлика оказались стянутыми за спиной в одно мгновение. Он пошевелил пальцами. Ничего не было зажато; даже ладони в путах ходили свободно. Степняки определенно понимали толк в таких делах. А потом его за шкуру вздернули на лошадь, и парень оказался лицом к лицу с Ленкой Барановой. Он даже едва не спрыгнул назад; и спрыгнул бы – будь его воля. А степняк по другую сторону лошади подмигнул ему, и что-то сказал. И все вокруг, кто его слышал и понял, громко захохотали.

Ленка тоже явно не была рада такому соседству. В школе, в классе, их интересы практически не пересекались. И о чем теперь они будут говорить – даже если появится такое желание, не знал ни Павел, ни Ленка. Впрочем, та точно заговорит; не может она долго молчать. Но сейчас она, наверное, поставила собственный рекорд. Молчала целый час – так определил Морозов. А потом не выдержала, спросила, изобразив нейтральное лицо:

– Как думаешь, куда нас везут?

Ну, Паша и ляпнул, не подумав; наслушался за два дня баек от Каланчи:

– Продадут. Меня в каменоломни, а тебя в гарем владыке какому-нибудь.

– Дурак! – коротко прокомментировала девочка.

Опять замолчала. А затем ее глаза почти закрылись, лицо разгладилось и губы раздвинулись в легкой улыбке.

– Точно фильм какой-нибудь вспомнила, – как-то мстительно подумал Павлик, – про гарем и турецкого султана. Вот прикол будет, если мои слова сбудутся. Ленка же тогда мои слова до конца своих дней не забудет.

И опять потекли тягучие секунды, минуты и часы. Караван и не думал останавливаться. Степняки, которых опять было десятка три, по очереди останавливались, спрыгивали с коней, делали свои дела. Наконец, когда солнце уже готово было нырнуть за горизонт, сделали короткую остановку. Конвейерную, как позже назвала эту процедуру Баранова. Двое степняков снимали детей с лошадей, передавали другой паре, которые их распутывали; еще двое отводили их в «кустики», то есть в ту же самую высокую траву. Двое разнополых детишек повернулись спинами, и сделали вид, что рядом никого нет. Раньше Паша, которого опять взгромоздили прямо напротив Барановой, не знал бы куда девать глаза. А теперь ничего, даже поговорить захотелось. И Ленка вздохнула, и ответила. Немного пофантазировали на тему ужина – будет, или не будет? Позлословили на предмет прежних обедов и ужинов. Ленка тоже призналась, что столько мяса не ела никогда в жизни. Не по причине нехватки денег, конечно; просто они с мамой так фигуру блюли. Так и заявила. Паша промолчал, не стал комментировать. А девочка, чуть смутившись (очень необычно для нее – Павлик даже рот открыл от удивления), спросила:

– Паша, а те слова, про гарем, ты это серьезно? Ты действительно так думаешь?

Морозову хотелось соврать, успокоить одноклассницу, но губы сами открылись для правды – какой ее себе представлял Павлик:

– Скорее всего, так и будет, – мрачно подтвердил он, – только не так красиво, как в фильмах. И меня на каменоломни не отдадут. Маленький я еще, слабый. Но даром кормить точно не будут.

Они опять замолчали. Ленка вроде даже засопела, ухитрившись заснуть по мерное покачивание. Ну, и Паша было задремал. Но встрепенулся, едва не разбудив Баранову. Было отчего

открыть широко глаза – впереди, пока еще едва различимо, показались какие-то строения. Они приближались медленно, и в сгустившейся уже тьме, скорее всего, Павлик их не увидел бы. Но там были огни – не такие уж яркие и частые. Но все же – была в них какая-то упорядоченность, да и раскиданы они были в пространстве так широко, что сама собой пришла мысль: «Это город». Паша уже устал так, что не хотелось даже думать, фантазировать на тему – вот их сейчас освободят, отправят в ближайший полицейский участок, а там тепло, безопасно... даже в камерах.

Наконец, эти самые строения вместе с огоньками, которые по большей части были представлены кострами на площадях, где к ним жались непонятные личности, потекли мимо каравана. Точнее, это конная процессия двигалась внутрь города, растянувшись в длинную колонну по две лошади в ряду. Теперь Павлик в свете выкатившейся на небо громадной луны мог видеть еще и забинтованное до сих пор лицо Каланчи, привязанного к соседней лошади. Погорелов вертел головой и, показалось Паше, вращал единственным действующим сейчас глазом так, что тот едва не выскакивал из глазницы.

– Ну, понятно, – попытался улыбнуться Морозов, – попал в ту самую сказку из своих книжек. Сейчас впереди вырастет замок, и рыцари выбегут, чтобы освободить его, и стукнуть по плечу мечом, плашмя. Так, кажется, производят в рыцари? А как производят в рабы? Там ведь в книгах, через одну, или даже чаще, рабство присутствует. Главный герой, конечно – как вчера Макс рассказывал – освободится, и принцессу, или там, графиню какую освободит.

Он посмотрел на сопящую Ленку. Ни на какую принцессу она не походила. Обычная девчонка, усталая... вот сейчас гримасу скорчила, словно во сне что-то увидела ужасное.

– А потом проснется, и увидит, что никакой это был не сон. Нет, будить не буду, – решил Павлик, – посмотрится еще на это средневековье.

То, что в этом городе ни одного здания, к каким Паша привык за двенадцать лет своей предыдущей жизни, нет, сомнений не вызывало. Ему и самому уже надоело вертеть головой, да пялиться на плывущие назад дома, построенные сплошь из камня. Светящихся окон он не увидел ни одного. Как и прохожих. Но последние, наверное, разбегались по проулкам, увидев перед собой цокающий копытами вооруженный отряд степняков. И опять в голове начинающего дремать ребенка ворочались вполне взрослые мысли:

– Это они, степняки, наверное, специально так подгадали – к ночи. Чтобы не мешать никому. Ну, или у них еще какие другие причины были. А так – ни в одну пробку не попали. Хотя, какие тут могут быть пробки? Если только местный президент или губернатор проезжать будет...

Наконец, копыта зацокали чуть по-иному. Павлик опять завертел головой. Как и Каланча, кстати – на своей лошади. Оказалось, что ехали они по каменному мосту. А потом резко повернули налево, и двинулись вдоль высокой и длинной стены, которую сам Павлик видел очень хорошо, а вот Макс приходилось изворачиваться, дергаться как гусенице, чтобы посмотреть на нее. Он, кстати, лишь пару раз так поиздевался над своим организмом. Потом с интересом разглядывал то, что было у него перед глазами. Что, в свою очередь, было недоступно уже Павлику.

Ленка тоже проснулась; зевала и хлопала сонными глазами, не сразу поняв, в каком мире она сейчас находится. А когда поняла, караван уже начал втягиваться в какое-то огороженное пространство, удаляясь от стены, где их до этого внимательно разглядывали стражники, стоящие с копьями у ног; неподвижно, как караул у Могилы Неизвестного солдата.

Наконец, их разгрузили. Паша тут же рухнул на задницу, прямо на щебенку. Сел, одним словом, не в силах пошевелить затекшими руками и ногами. А пришлось – когда его вздернули за шкуру, как и многих других, и заставили брести в какое-то длинное и приземистое здание. Хорошо, на входе руки развязали.

А ранним утром он, вместе со всеми, стоял на площади, опять со связанными руками, и ощущал себя бараном, которого привели на рынок продавать. Так он сам определил свой нынешний статус. Стояли долго, переминаясь с ноги на ногу, и не пытались поначалу заговорить – боялись (Павлик, так точно) своих новых хозяев. Да – степняки ночью куда-то исчезли, и теперь вдоль границ открытой площадки ходили звероватого вида мужики с короткими плетями в руках. Но главным тут был, как понял Морозов, невысокий толстячок с надменным лицом, в котором ярким пятном выделялись роскошные черные усы, явно чем-то смазанные, и блестящие в лучах уже поднявшегося высоко солнца. А за этим типом шагали, не отставая, два амбала с накачанными, выпиравшими даже сквозь одежды мышцами. Но самой интересной деталью их одеяний были тонкие ремешки на бычьих шеях, которые Павлик почему-то сразу обозвал рабскими. Наверное, потому, что лица у этой пары были какими-то не живыми, без всяких проблесков эмоций.

– А, нет, – поправил себя мальчик, почему-то следивший в последние несколько минут именно за этой троицей, – вон – оживился; тот, к которому обратился усач, хозяин. Аж ощерился от радости, смотрит на своего хозяина как... как...

Тут появились, как понял Морозов, первые покупатели. Сразу трое, толпой. В груди у бывшего пятиклассника стало пусто. Он вдруг понял, что сейчас их компанию начнут разделять, и он, скорее всего, никогда в жизни не увидит больше ни Сергея Николаевича, ни Каланчу, ни Ленку, ни...

– Уф. ф.ф... пронесло, – он вытер со лба пот, проступивший, несмотря на достаточно прохладную погоду, – кажется, не понравились. Или цена слишком высокой показалась.

Покупатели – высокий мужик в полувоенной одежде (так определил почему-то Паша) и двое его сопровождающих; слуги, наверное, потому что без ошейников – пошептались с торговцем, и ушли, недовольно качая головой. Точнее, недовольным выглядел высокий; двое других семенили следом с такими лицами, словно их ничего в этой жизни не интересовало.

Подходили еще, и еще. И многие так же качали в недоумении головой. Паша уверился в первом своем выводе – что усатый заломил за них слишком высокую цену.

– Как за неведомых зверушек!

Это не он – это Каланча громко прошептал. Видимо, его голова работала в одном направлении с Пашиной. В их сторону направился мужик с плетью, и все негромкие разговоры вокруг тут же прекратились. А сам мужик круто развернулся – в сторону нарастающего стука копыт. Неторопливо, и как-то неотвратно на торговую площадку надвигался конный отряд. А во главе его огромный рыцарь (так его обозвал Морозов), на громадном рыжем скакуне. Паша такого лошадиного гиганта даже у степняков не видел. Но вот спрыгнул с него человеческий монстр легко, и очень... мягко, что ли? Паша почему-то решил, что почувствует, как земля, точнее, утоптаный щебень под ногами дрогнет, когда эти центнеры мяса и костей опустятся с лошади. Ничего подобного – «рыцарь» утвердился на ногах, даже не издав стука каблуков по камню. И тут же пошел вперед, словно ледокол, разбивающий на своем пути тонкий лед. Вот такое сравнение сделал для себя, и своих одноклассников Паша.

А «ледокол» не спешил; часто останавливался, и разглядывал «товар» – поднимал детей, как игрушки, вертел из на вытянутых перед собой руках, и что самое противное, щупал их. Во всех местах, где хотел. И при этом успевал торговаться с хозяином. Точнее – как понял Павел – просто озвучивал цену, и усач, гордость которого сейчас поблекла, и опустилась кончиками к земле, грустно кивал. Наконец и он, Павлик, оказался в этих жадных до детского мяса руках. И его вертели, щупали, лезли пальцами туда, куда Паша даже докторам не разрешил бы лезть. Но тут его никто не спрашивал, и мальчик покорно болтался в руках гиганта с каким-то большим медальоном на закованной в кожу и сталь груди. Даже закрыл глаза; но открыл их, когда услышал чей-то голос – уверенный, спокойный, и... такой знакомый.

Покупатель выпустил мальчишку из рук, и Паша, удачно приземлившись на щебень, с безмерным изумлением понял, что не ошибся – на краю площадки, рядом с усачом, который покинул такого важного покупателя, стоял его сосед по лестничной площадке. Дядя Миша, или просто Михаил – такая вот неопределенность была в их прежних отношениях.

– Или это не он?

Михаил стоял с таким же надменным, как у гиганта, лицом, и – пригляделся Паша – с очень похожим медальоном на груди. И о чем-то беседовал с усачом. Вот начал отсчитывать ему какие-то монеты. А тут и гигант рядом нарисовался, почти скрыл дядю Мишу от его, Пашиного взгляда. Ну, мальчик и сместился чуть влево, чтобы видеть. Тот, кого он принял за соседа, заметил шевеление в рядах «товара», скользнул по людям своим взглядом. На Паше – показалось Морозову – чуть задержался. А у того от этого взгляда душа в пятки ушла. И холодом обдало, самым настоящим, не иллюзорным. Так что Павлик шагнул назад, под прикрытие широченной спины гиганта.

О чем говорили эти двое? Там еще кто-то крутился, кланяясь – подсказывал что-то. Паша не разобрал бы ни одного слова, даже если бы знал местный язык. В таком смятении он пребывал. И потом тоже, когда здоровяк в доспехах так же легко и непринужденно запрыгнул на своего рыжего монстра, и ускакал, вместе со своей свитой. А у «дяди Миши», который явно купил их, всех скопом, свиты не оказалось – только конь. Абсолютно черный, и очень стройный. И запрыгнул на него их новый хозяин так же ловко, как гигант. И поскакал вперед, не оглядываясь. А их, школьников и небольшую кучку взрослых, погнали за ним другие стражники; опять, как стадо баранов. Привели к зданию, откуда несло вкусными запахами. Паша за треволнениями забыл, что кормили их в последний раз вчера, в обед. Но желудок напомнил.

Вводили в местную двухэтажную столовку по одному, развязывая ремешки на руках. И повели потом куда-то – умываться, еще что-то делать. Паша все проделывал машинально, подчиняясь громкому голосу Сергея Николаевича и Альбины Александровны словно во сне. Классный даже подошел, потрогал его лоб и справился о здоровье. Морозов лишь головой помотал: «Да здоров я, Сергей Николаевич!». Как-то отстранено поудивлялся – после микстуры старика в степи он действительно ни разу не чихнул, и не кашлянул. И другие тоже. Паша хотел было рассказать классному о Михаиле; потом решил подождать – мало ли как все обернется? А скорее, просто не было желания говорить. А вот кушать – да. Тут его разрешения организм не спрашивал.

Паша уселся вместе со всеми за длинный стол с отскобленной, но непокрытой ничем столешницей. Рядом, кстати, села Ленка Баранова, которая тыкала его почем зря острым локтем в бок и о чем-то спрашивала. Морозов машинально отвечал. А потом принесли кушать – какие-то тетки в длинных платьях с передниками, которые совсем не мешали им шустро бегать между столами и расставлять на них миски с чашами и столовые приборы. Да – Паша наконец-то ел суп настоящей деревянной ложкой, а потом мясо; не так много, как в степи, зато двузубой вилкой, и ножиком, достаточно острым. Тут он вспомнил почему-то про свой мультитул, баба Полю, ее борщ. И аппетит сразу пропал.

– Ну, или наелся, – решил Паша, и медленно встал с лавки.

Встал навстречу громкому скрипу двери, в которую вошел тот человек, который совсем недавно купил их всех. Следом ввалился здоровяк, наверное, совсем немного уступавший размерами тому, кто чуть не стал хозяином Павлика, и кого-то еще с ним вместе. «Дядя Миша» что-то сказал этому амбалу, который нес на плече связанное какими-то тряпками тело. Потом показал ему на лестницу, которая вела на второй этаж, и двинулся было за ним. Но остановился, повернулся и открыл дверь, придержал ее, впуская внутрь трех... нет, четырех женщин, одетых в какие-то цветастые, но явно мужские одежды. И пока те топтались у порога, направился вдруг как раз к его, Пашиному столику. И остановился прямо напротив его, разглядывая, как...

– Как муху, прилипшую к липкой ленте, – сделал сравнение Паша.

А Ленка, и Таня Дерезлазова, сидевшая с другой стороны от Павлика, как-то незаметно оказались на самых краешках скамьи. Паша поднял голову. И что-то в лице человека, стоявшего перед столом с выпрямленной, дышащей властью фигурой, поменялось. Оно осветилось обычной человеческой улыбкой, и дядя Миша («Он это, он!»), сказал по-русски короткую фразу, в одно мгновение сорвавшую с Морозова такое долгое оцепенение:

– Ну, здравствуй, сосед!

Глава 2. Гара, столица графства. Барон ван Столбов

– Ну, здравствуй, сосед!

Вот не хотел же ведь раскрываться раньше времени. А лучше бы и вовсе спихнуть все объяснения на девчат. У меня-то самого времени совсем не было. Надо было срочно потрошить мага, которого Фанел тащил за мной на плече. Но больно уж тусклым сейчас стало внутреннее оранжевое свечение в мальце. Рядом, кстати, девчонка сидела, такая же «оранжевая». Так Пашка, сосед, раньше блистал в магическом зрении сильнее нее раза в три. А теперь эта рыжая малявка в лидеры выбилась. Что-то с Павликом Морозовым было не то. Потому я и послал Фанела наверх, в «номера», разрешив занять вместе с пленником любой из них. Тем более, что за все было заплачено вперед.

А сам шагнул в сторону стола, где сидел Пашка, между двумя девицами лет двенадцати. Я вдруг представил себе, что было бы с ними, не успею я сторговаться с тем усачом раньше, чем это сделал барон ван Горок.

– Неправильно ставишь вопрос, барон ван Столбов, – поправил я себя, – а правильно так: «Сумел бы я сдержаться, если бы к моему появлению деньги этого здоровяка перешли в руки торговца живым товаром?». Отвечаю: «Нет!». Развязал бы локальную войнушку против всего здешнего мира. Постарался бы помножить на ноль и самого ванн Горока, и его стражников... а под горячую руку и работарговца с его псами; теми, что с плетьюми расхаживали. Ну, а потом и граф... Он, конечно, связан со мной клятвой, но на явный беспредел с моей стороны должен будет отреагировать. А может, у него с Воляном этим, бароном, тоже какая-то клятва взаимная есть. Тут между аристократами столько всего напутано – граф Мерский не даст соврать.

Обо всем этом я размышлял, поглаживая по макушке Пашку, который ревел, не стесняясь, прижавшись ко мне всем телом. Одежда на моей груди – там, куда ткнулся своим лицом мальчишка – должна уже была промокнуть насквозь. Только вот она не могла впитать в себя влагу в принципе; если, конечно, такую «задачу» не поставлю перед ней я. Запросто – только представить нужно, и хорошей такой порции энергии не пожалеть. А я ее обещал экономить – самому себе. А сейчас так вообще эксперимент был; точнее, хронометраж – так, кажется, это называется.

Наконец, я отнял «младенца» от груди, и посадил его на место; на скамью, где теперь ни одной девчонки не было. А рядом вдруг возник мужчина, лет тридцати и типичной учительской внешности. Так я решил, почему-то. И не ошибся.

– Сергей Николаевич, – представился он, протягивая руку, – учитель я, а по совместительству классный руководитель пятого «А» класса...

Последние слова он произнес в явном смятении, быстро снижая напор, с каким начал представляться. Потому что я посмотрел на него, как когда-то на подполковника Погорелова. В упор не замечая, если не понятно. Надо было возвращаться к своей баронской ипостаси – вон как Ганид, трактирщик, приглядывается и прислушивается. Я перевел взгляд на него, добавив минусовой температуры.

– Э.э.э... – потянул мужичок, буквально складываясь под прямым углом в поклоне, – я сделал все, как ты велел, твоя милость...

– Хорошо, – ответил я, не кивая, постаравшись вместить в одно слово сразу несколько предложений, типа: «Хорошо. Я проверю. И не дай бог что-то ты сделал не так».

Впрочем, последнего трактирщик бы не понял – ну, нет здесь веры в богов, а значит, и самих творцов тоже. Повернулся опять к учителю, и, по-прежнему смотря сквозь него в пространство, сказал, махнув рукой в сторону входной двери:

– Вот, девчата вам все объяснят. А у меня дела, – рядом остановилась Галя, и я добавил, намного мягче, уже для нее, – срочные.

Она кивнула, словно разрешая удалиться. Ну, это я так накручиваю себя – перед допросом; неплохо было бы еще и холодную ярость в себя вернуть; ту самую, которая меня заполнила, когда я увидел Галочку лежащей на камнях.

Лестница наверх вела надежная, без скрипа в ступенях. А наверху – ну точно как в какой-нибудь нашей гостинице для среднего класса – под старину, с бревенчатыми стенами, даже какими-то картинами на них. И рядом дверей по обе стороны. В дальнем торце, как я понял из воспоминаний Эмрела, санузел. А вот расстояния между дверьми разные, что означало – в одном коридоре располагались номера с разным количеством звезд. И самое большее их количество можно было отдать тому, куда наверняка Фанел затащил пленного мага. Потому что именно в этот номер, занимавший половину левой стороны этажа, была приоткрыта дверь. И сам слуга стоял там, выглядывая одним глазом. Другим наверняка следил за пленным. Как у него это получалось? Не спрашивайте – получалось, и все.

Он шагнул внутрь, и в сторону, толкнув дверь так, что я не задержался ни на мгновение, оказавшись в номере, который тянул на уверенную четверку звезд. Были какие-то двери, ведущие в другие помещения, но пленный маг был именно здесь, в гостиной, прихожей, или холле – кому как нравится. Валялся у диванчика, такого мягкого и удобного на вид. Покрыт диван был каким-то покрывалом тонкой кожи белого цвета. Потому, наверное, слуга и не положил на него мага. Пожалел это девственно белое покрывало.

Я велел Фанелу перетащить мага к другой стене, прислонить его к ней, а сам следом притащил стул. На что Фанел поглядел на меня с укоризной: «А я на что?».

– Стой за дверью, – велел я ему, – позову, когда понадобится.

Он вроде решил изобразить сомнение на лице: «Как же ты тут без моей помощи, господин?». Я усмехнулся про себя; достаточно кровожадно, а потом все же грустно.

– Знал бы ты, парень, сколько таких вот допросов я провел, за свою бытность... Эмрелом. Да и граф Мерский не был ангелом, что бы о нем не думала та, прежняя Эльжбет. Ага – она так и не думала. Слюнтяй влюбленный; дурак безмозглый, позволивший заманить себя в простейшую ловушку – вот каким она тебя считала, друг мой. Не хватало еще, что я сейчас сам с собой поссорюсь внутри, по роже отхлещу. Нет – я лучше вот этого!

И я хлестнул – не ладонью, а созданной волной морозного воздуха; наотмашь, не жалея. И маг, дернув головой так, что заметно хрустнули позвонки, открыл глаза. А я, сидя перед ним на удобном стуле, подвинул к себе другой, на котором разложил трофеи – все его магические игрушки. Таких набралось ровно восемь, с неизвестными мне плетениями внутри.

– Пока неизвестными, – сообщил я себе, а пленника попробовал огоршить классическим:

– Кто такой? Фамилия, имя, отчество? Откуда, куда, зачем?

Не совсем так озвучил, конечно – отчество тут не признают. Но маг понял. А отвечать не стал. Уселся поудобнее, насколько позволял путы, и уперся в меня тяжелым взглядом. Холода добавил, магического. Но меня этим было не смутить, хотя силен был искусник, ничего не скажешь. Еще и потратился недавно, на фэйербол, что у него в руке взорвался. Интересно – не обжегся? Ну, для мага такого уровня... Явно уже в ранге Постигающего. А я, выходит, своим резервом внутренним на одну, или несколько ступеней выше поднялся. Потому что не выдержал он моего ответного взгляда, тоже морозного; отвел его на тот стул, где его «побрякушки» лежали. Бывшие, конечно – ничего возвращать я не собирался.

И тут поникшие было плечи искусника развернулись, и он глянул на меня опять; теперь с совсем уже победным видом.

– Ты уже труп, барон, – заявил он без всякой почтительности в голосе, – стал им уже, когда поднял руку на... Руку главы ветви Оранжевого Искусства.

Я пошарил в памяти; нашел – одновременно со словами, которые мерно выпускал перед собой:

– Господин барон, твоя милость – называй меня так, и никак иначе. А как тебя зовут, я пока не знаю.

– Деймир уль Фасон, – торжественно представился маг, – и я – Рука самого Главы!

При этом своим острым подбородком он указывал на ту цацку, которую я расположил в центре стула. Медальон, в котором камни, расположенные хитрым узором, были заполнены энергией Оранжевого цвета. А тут и моя память отреагировала, пояснила, что значит эта самая Рука Главы – третья по счету, если немного пошутить. Хотя, судя по выражению лица Фасона (три раза: «Ха!»), шутить мне осталось недолго. Две родные руки, конечно, остались при хозяине, где-то в столице империи. А эта вот, в лице мага, разъезжала по стране, и творила... да все, что было в компетенции того самого Главы Оранжевой ветви. А права у него были большие. Даже того же графа Гарского он мог призвать к ответу, до определенных границ конечно. Все же не Рука самого Императора. А была где-то и такая. Граф Мерский как-то по случаю побывал, на пару лун – когда послом в соседнее королевство ездил. Кстати, очень неудачно съездил, вот тогда, наверное, и начала закатываться его звезда. Ну, я наудачу и выпалил:

– Подумаешь, Рука Главы... не Императора же?

– А что? – округлил глаза пленник, – он уже здесь?!

– Оп-па! – я тоже округлил, но незаметно для мага, – стрелял из рогатки по воробьям, а завалил гуся. Жирного такого...

Уль Фасон замолчал, явно ворочая мыслями в голове; выстраивал какие-то комбинации.

– А чего их выстраивать? – попенял я ему про себя, – вот какую я сейчас выстрою, по такой и будешь вякать. Не веришь?

Кашлянул, привлекая внимание, и поднял со стула за цепочку медальон с говорящим названием «Рука». И усмехнулся:

– Рука императора где-то ходит, а Руки Главы Оранжевых уже нет.

– Как это нет? – попытался подпрыгнуть на попе от возмущения маг, – как это нет?!!

– Медальон есть, а человека нет. Умер. И тому сотня свидетелей есть. Ну, может чуть поменьше, но для графа Гарского, и твоего Главы хватит. Тех свидетелей, которые видели, как я метнул нож в похитителя моей жены. И попал, главное. А похититель умер на месте.

– Как – умер!? – дрогнул голосом уль Фасон.

– Очень просто, – в руках у меня оказался нож – копия того, что вынули из груди мага, – сейчас я опять суну его в твою подживающую рану, и там его несколько раз проверну – вверх-вниз, а потом направо-налево. А медальон, так и быть (тут я тяжело вздохнул) верну твоему Главе. А может, он и исчезнет. Навсегда. Знак я имею в виду, не Главу – не пугайся. Останутся, правда, вопросы. Например, к твоему Главе – зачем он подослал убийц к супруге барона ван Столбова?

– Я не убийца!...

– А кто? – перебил я искусника, – что тебе надо было от моей жены? Или от меня?

При этом я продолжал поигрывать ножиком, который – сам сейчас был уверен – воткнул бы в подживающий шрам, и провернул бы именно так, как и обещал. Так меня учил на практике один старичок в бывшем колхозе. К нему со всей деревни ходили, просили поросенка забить. Я тогда не решился попрактиковаться, а вот сейчас рука бы не дрогнула. И Дэймир уль Фасон это понял. Раскололся. В смысле готов был рассказать все, что и сам, наверное, уже не помнил. Но мне много интересней его детских воспоминаний было то задание, с которым его прислал Глава Оранжевых.

Первой, но не самой главной, была роль почтальона. Искусник привез письмо от Главы своей ветви графу Гарскому.

– Где оно?

– В трактире, – сквозь зубы процедил маг, косясь на мой ножик, – в моем номере. Там двое из десятка охраны остались.

– До твоего номера мы еще дойдем, – пообещал я, – продолжай.

Вторым, и основным заданием тайного агента верховного Мага боевого направления был сбор данных. Как-то очень быстро дошли до столицы империи сведения о том, что произошло в Запретном Лесу. Но это задание Рука Главы получил уже в дороге, с помощью магической связи. Вот этот самый медальон и служил, в том числе, и местным мобильником. Глава лично «звонил», рассказал кое-что (далеко не все, конечно) о графе, о смерти уль Масхи, и о новых людях в окружении дум Гарского. Обо мне, в частности, и сразу о нескольких новых искусстваах.

Тут ко мне внутри «постучался» граф Мерский. В смысле, я сам сообразил, что когда-то вот точно так же к нему, графу, присылали свои Руки сразу двое Глав. И чем это все кончилось?

– Значит, Оранжевый сделал новую ставку? Теперь на Вилима? А тут новые вести о нем. Что должен был подумать верховный маг ветви боевиков? Я бы сам подумал, что меня пытаются кинуть. Перетянуть, так сказать, одеяло на себя. Какие ответные действия? Погрозить пальчиком? Показать, что ему, Главе, все известно, и не нужно шутить с огнем? Который, кстати, подвластен этой ветви, как никакой другой... значит...

– Значит, Глава велел тебе припугнуть графа. Из родни никого не трогать, но кого-нибудь значимого... или значимую в свете новых обстоятельств прикончить?

Я для убедительности поскрипел зубами.

– Только похитить! – вскричал окончательно сломленный морально маг, – ни капли крови не должно было пролиться.

– Значит, – сделал я еще один вывод, круто поменяв маршрут допроса, – у тебя есть лазутчики в замке. Кто-то же показал мою супругу?

– Есть, – кивнул со вздохом уль Фасон, – он как раз был у меня с докладом, когда ты... твоя милость, проехал мимо трактира. Ну, я и решил...

– Ковать железо, пока горячо.

– Я не кузнец! – маг аж стукнулся затылком о стену – так резко он дернул головой от возмущения.

– Кем скажу, тем и будешь, – не стал я щадить его чувств, – а пока учителем поработаешь.

– Каким учителем? – отчего-то перепугался маг.

– Давай, рассказывай, что тут у меня? – кивнул я на грудь амулетов на стуле.

– Э.э.э...

– У меня, – подтвердил я – а ты бы сам вернул?

Взгляд исподлобья показал мне, что не только не вернул бы, но и мою собственную угрозу без колебаний исполнил бы – про то, как «в грудь его воткнул, и там два раза провернул...». Это что-то из классики. Лермонтов, кажется.

В общем, я стал богаче на два Средних целительских амулета; три боевых – два Голубых, воздушных, и один водяной, Синий; все той же ценовой категории, что и целительские. Один защитный, не отразивший моего ножа, а значит, не годящийся моему, Высшей защиты, даже в подметки, но... но это я зажрался. Вполне надежный амулет, какие на рынках не продаются. Ну и последний, Фиолетовый. Про его свойства маг ничего определенного не знал. Только инструкцию по применению. На самый крайний случай.

– А какой случай у нас крайний?

– Если вдруг... барон ван Думский умрет... ну, так случится. То надо будет сразу же приложить этот амулет к его голове и активировать.

– А ты, значит, случайно окажешься рядом?

Маг только пожал плечами.

– Хорошо, – решил я, наконец, – научишь обращению с амулетом. Прямо сейчас. А потом поедем в твой трактир, посмотрим, что там мне еще понравится, и разбежимся. Письмо и Знак Руки я тебе оставляю.

Тем самым ножиком, который до этой секунды служил единственным пыточным средством, я разрезал путы, и отнес стул на место.

– Фанел!

Слуга влетел в комнату, и тут же принял боевую стойку – когда увидел, что маг растирает посиневшие запястья. Я успокоил слугу своим спокойным тоном:

– Наш друг Даймир уль Фасон устал. Проводим его до дома. То есть, до трактира, которому он оказал честь своим присутствием. Есть тут черный ход – чтобы не мешать разговорам там, внизу?

Почему-то я был уверен, что взаимные расспросы в обеденном зале еще не закончились. А ход, нужный мне, нашелся. Начинался он от средней лестничной площадки, и проходил через коридорчик, где двери вели на кухню (судя по запаху), и какие-то склады. И другие подсобные помещения. Из кухни как раз выскочила разносчица с полным подносом еды. Я не удержался, стащил какую-то жареную птичку; кивнул и Фанелу – не теряйся. Не солидно, конечно, для целого барона. Но когда я еще вернусь сюда? А вдруг там, в элитном «отеле», где поселился посланник его магии, отыщется что-то такое, что придется мчаться сломя голову куда-то еще? А кушать хочется!

Первым, что сразу бросилось мне в глаза, когда мы оказались во дворе люксовой гостиницы, была карета. Ну, или как тут она называется? Не важно. Главное, что этот экипаж был артефактным. Не самобеглым, конечно, как бывшие недолго моими «Лендкрузеры». Таких здесь еще не придумали. Хотя даже с моими скромными познаниями в технике (например – ракетной), что-то похожее я мог предложить построить. Но пока не буду. Я еще на Вороне не накачался. А вот моя Галочка... Вот ей как раз в путешествиях экипаж и пригодился бы. С четырьмя камнями голубого цвета на местах, где у тех же «Лендкрузеров» находились амортизаторы (или что-то, их заменяющее, придающее такой плавный ход). Еще и два оранжевых едва светились внутри «салона» – явно за климат-контроль отвечали. Я заглянул внутрь – обито хорошо выделанной кожей и чем-то вроде плотного шелка. Красота!

Я повернулся к магу; тот подтвердил, гордо вскинув голову: «Красота! Моя...».

– А вот и нет, – это я уже вслух озвучил; надоело взглядами переговариваться, – эту карету я забираю. Даже не так! Ее забирает моя супруга – в качестве компенсации за нападение.

Потом опять перешел на общение «глядялками»: «А если ты, твое магия, посмеешь сейчас что-нибудь вякнуть, то придется выдавать компенсацию еще и Кате с Лидией, ну, и служанке – как ее там? – что-нибудь перепадет». Лицо уль Фасона стало несчастным. И я его понимал – ему ведь еще назад, в столицу возвращаться. А здесь он такую карету больше не найдет. А если найдет – денег не хватит, чтобы рассчитаться. Или хватит?

Ничего такого интересного, подобного только что обретенному имуществу, в трактире-гостинице, который принадлежал ювелирам, я не обнаружил. Посмотрел на рулон послания, скрепленный аж тремя печатями; вскрывать не стал – пусть этим адресат занимается, граф Гарсий. И не сказать, чтобы так уж не интересно было, что там написано. Хоть и писано это было, когда нас еще в этом мире не было, и коснуться меня лично никак не могло. Ну, а если и коснется каким-то боком, то опосредствованно, через того же графа – к кому я и собрался ехать; прямо сейчас.

– А что – вот сейчас и поеду. Надо показать, что интересы графства, и его владыки мне не чужды. Я же, можно сказать, теперь его полноправный гражданин. И не из последних.

Так что я, став богаче еще на десяток золотых (столько же оставил магу – на прокорм), и шесть пустых кристаллов среднего размера, захватил с собой Фанела, Руку Главы и двух его стражников, и отправился в замок. Остальные – живые и мертвые – остались в этой гостинице, действительно более статусной и удобной. А в той, Ганидовой... туда, кстати, уже укатила моя (Галочкина) новая карета, с моим же слугой-кучером за «рулем». Ну, а старую повозку я подарил магу; я не жадный.

– Все будет в порядке, – успокоил я сам себя, – Галю предупредил, чтобы носа из гостиницы не высовывали, да и дураков нападать теперь тут не найдется, после нашей драчки с магом. А в том, что слухи здесь разносятся не медленней, чем в интернете, я уже имел счастье наблюдать. Попытать, что ли, Фасона, насчет магической связи?

Увы – маг в вопросах местной дальней связи был всего лишь слабеньким пользователем. И связь эта была односторонней. Так что, если бы меня и посетило желание наговорить гадо-стей Главе одной из магических ветвей, не из самых последних, ничего бы у меня не получилось. Вот он мне – да, смог бы. Но Знак молчал, а мы, наконец, прибыли в замок. Но к графу не попали. По вполне уважительной причине – он вместе с невестой и дочерью заперся в том крыле, где царил дух его предков. Ну, как дух – прах прежних графов Гарских. Этим, наверное, объяснялся и тот факт, что за мной, вернее, за моим пленником, еще не примчалась стража. Без команды никто не решился действовать, а команда – как объяснил мне Джек – не поступит до завтрашнего утра; именно столько времени должны будут ждать благословения предков будущие супруги. Ну, и дочь одного из них тоже.

Вот тут я и подумал, кому... в графстве жить хорошо. Самому графу, или его братьям, не осененным Красной печатью, но не знавших никаких забот и волнений.

– Ну, это я загнул, конечно, – я кивнул поклонившемуся Джоку, который нес вахту как раз у дверей в крыло со склепами, и пошел в свои покои, решив заодно пообедать.

Маг отстал от меня, скрылся в каком-то из коридоров. Перед этим, правда, сообщил, что останется во дворце – попытается перехватить графа до того, как тот вплотную займется собственной свадьбой.

– Ну-ну, – пожелал я ему удачи, – а я подожду – меня-то на самую свадьбу пригласили.

В моих временных покоях царили тревога и растерянность. Это я почувствовал сразу, как только наткнулся на взгляд Капитана. Петр даже не спросил, где пропадает Катя, и как там она без него. Сразу, в лоб, ошарашил известием:

– А у нас Олег пропал!

– Слава тебе, господи! – едва не перекрестился я; и тут же спохватился, – как пропал?! Куда?

Капитан лишь пожал плечами: «Пойдем, покажу... твоя милость».

Он сейчас не язвил; действительно был сильно встревожен, и еще сильнее винил себя – ведь на него я оставил «хозяйство» в свое отсутствие. А то, что исчезновение зловерного парня может нам аукнуться...

– Еще как может! – одарил я его мрачным взглядом, – к тому же вас всех граф отдал под мою личную ответственность. И что я ему теперь скажу? Или не отдал? Ну-ка, вспоминай – что он сказал, командировав всех в мои апартаменты? Желательно дословно: «Все остальные пусть будут с тобой – в твоих покоях». И все. Можно считать, что этим граф возложил ответственность за его «имущество» на меня? Я считаю, что нет!

А Зиновьев тем временем вел меня вниз, в подвал. И по дороге оправдывался:

– Сказал, что хочет посидеть тут, рядом с отцом. Я спускался, проверял – он действительно сидел тут; нет – стоял. Сидеть-то здесь негде. А потом я Мануэля послал его позвать на обед – девчонки принесли, а тот прибегает весь серый. Говорит, нет Олега нигде. И дверь открытая. Вот.

В подвале все было именно так, как и рассказывал Капитан. Я первым делом вынул из пояса кристалл с заклинанием заморозки; зарядил его за то время, пока подносил его к глазам, и уже потом, удостоверившись, что последний сверкает оранжевым колером примерно с такой интенсивностью, какую я себе представлял, сунул его в руки усопшему. Даже пошутил неудачно: «Вместо свечки». Естественно, не вслух. А амулет начал морозить пространство уже у меня в руках. По моему предположению, температуру чуть ниже нуля он обеспечит в радиусе двух метров, что хватало за глаза; с учетом роста Ивана Сергеевича Качалова.

– Даже лишку, – прикинул я, – зря проморозит пол и воздух над телом. Но с этим ничего не поделать – местным Искусникам сотворить заклинание, обеспечивающее сложную форму действия, практически не по силам. Вот как здесь – шар, и точка. Ладно, о теории потом. Что тут у нас с практикой? Практикой побега?

В общем-то, винить тут я должен был прежде всего себя. Ну, что мне стоило ночью хотя бы подергать за ручки дверей, которые, казалось бы, не открывались веками? Как та, в которой меня ждали кристаллы, и скелет древнего мага.

– Так, что тут у нас?

Я подошел, наконец, к двери, у которой нервно переминался с ноги на ногу Капитан. Он даже не попытался открыть ее пошире и заглянуть внутрь. Как мне показалось – просто боялся. И это вояка, прошедший в настоящих войнах огонь, воду и медные трубы.

– А вот Искусства там не было, – походя подумал я, приглядываясь к этой двери.

На первый взгляд, она ничем не отличалась от других; тех, которыми пользовались хозяева апартаментов до меня, и других, стоявших закрытыми столетиями. Ну, если судить по той, которую я так неудачно... или, напротив, удачно открыл ногой.

– Проходи, – кивнул я Зиновьеву, открывая дверь.

Но смотрел не на него, а на тяжелый металлический лист, и дверную коробку, тоже изготовленную из металла. Показалось, или между ними действительно сверкнула искра; причем неестественного, черного цвета?

Капитан отступил, вытянув вперед руки – словно отталкивал от себя что-то.

– Извини... твоя милость, но что-то... не хочется. А если честно – боюсь я туда соваться. Никогда не боялся, а сейчас даже челюсти от ужаса сводит. Я бы лучше здесь подождал. А лучше там, наверху.

Он махнул рукой в сторону выхода из подвала, и отступил на пару шагов. В моей же голове мелькали мысли, навеянные и этой вот картиной, и предупреждениями Гарция уль Дениза – почему он их раньше, кстати, не озвучил? Тоже боялся? Ход этих мыслей нуждался в практической проверке; желательно без свидетелей. И я кивнул Капитану, разрешая:

– Иди. И посмотри, что там Мануэль делает. И Каркол. Не хватало еще, чтобы и они пропали.

Зиновьев до двери дошел, обойдя стол с телом Качалова; чуть нервно, но шагом. А вот по лестнице припустил бегом. Ну, а я отправился проверять свою гипотезу.

– Стоп, – остановил я себя, уже подняв ногу в сторону той самой двери, в которую уже входил ночью, – сначала Олег. Не дай бог, попадет в руки, в которые он не должен попадать. Хотя, конечно, его тут же вернут хозяину, но все же...

Через дверь я переступил, почувствовав, как неприятно заломило в висках. И какое-то микроскопическое усилие пришлось приложить – словно паутину собственным телом прорвал. Черного цвета. Ощущения были... ну, как в то мгновение, когда меня «наградила» своим взглядом Катина бабуля, царствие ей небесное. А дальше был самый обычный подземный ход; практически ровный и пустой. Он заметно понижался с каждым метром, и не имел пока никаких ответвлений и дверей. Я, вообще-то надеялся, что здесь будут хитрые и незаметные с обратной стороны отверстия, ведущие в другие покои замка. Что можно будет вернуться сюда, чтобы подслушать, и подсмотреть какие-нибудь секреты графа дум Гарского. Ну, или его домочадцев – тех, что поавторитетней. Но ничего подобного здесь не было; даже крысы не пищали, и не убегали от меня. Потому что их тоже не было. Голый камень с толстым слоем пыли, на котором четко отпечаталась единственная цепочка шагов. Кто их здесь оставил, наверное, даже не нужно объяснять.

Я шел рядом, стараясь не затоптать следы, хотя и не предполагал, что они могут зачем-то понадобиться. Но так, кажется, было положено. Впереди вдруг чуть посветлело, так что уже не нужен стал маленький светлячок, который как-то сам родился на моей протянутой

вперед ладони, как только я переступил порог двери. Это каменный подземный ход закончился банальной дырой в глухой стене. Кто-то, или что-то проломило, а потом вытолкнуло наружу несколько камней, и в результате появилось «окошко», ведущее наружу. И произошло это достаточно давно. Такой вывод я сделал, протискиваясь сквозь переплетение толстых корней, которые не давали сделать освещение в подземелье ярче. Его, солнечный свет, еще и крона кустарника, или какого-то ползучего дерева задерживала. Так что меня, когда я все-таки выполз наружу – вслед за Олегом, судя по сломанным недавно веточкам – с реки вряд ли было видно. Да, подземный ход заканчивался на берегу Гары. Точнее, обрывался в каменной стене, над которой высились стены замка. А до поверхности воды, что спокойно текла мимо столицы графства, было не больше полутора метров.

Высунувшись так, что половина меня оказалась снаружи, и ухватившись за толстый корявый ствол, я огляделся. Прежде всего, направо и налево; вверх и вниз. Такой приметный куст, в кроне которого я скрывался, был в обозримом для меня пространстве каменной кручи один. И именно его, наверное, рассматривали сейчас люди с кораблика, застывшего посреди реки. Это было какое-то весельное судно, и благодаря неторопливой работе этих движителей оно сейчас замерло на месте. Вспоминать карты, речные извилины на ней и береговую линию океана, омывающего большую часть земель империи, мне не было необходимости; это уже было закреплено, неразрывно въелось в мою собственную память. Так что сам собой в голове возник путь этого кораблика – от Амбона, столицы империи, вниз по реке до Герона, основного порта страны, дальше по океанским волнам, не отдаляясь от берегов на расстояние, превышающее прямой видимости, и наконец, на завершающем отрезке пути – вверх по течению Гары.

Маршрут у этого кораблика мог быть совершенно другим, но что-то заставляло меня связывать его с рассказом плененного, а потом отпущенного на свободу мага. О том самом Руке императора. Что именно? Да хотя бы тот факт, что от этого судна больно ярко светило. Как от искусников, так и от кристаллов, заряженных энергией. На таком расстоянии, а учитывая ширину Гары здесь в двести метров, до корабля было не меньше ста, все они сливались в большое яркое пятно. Словно кто-то бросил огромные клубки цветных светящихся нитей в это судно, полное кошек. Вот они и гоняют «клубки», заставляя меня сейчас недовольно морщиться от невозможности разобрать что-то определенное.

Сам бы я в таком волнении, быть может, не вспомнил, и протиснулся бы назад, в дыру, ведущую в подземелье. Но рука уже нащупала в поясе тот самый кристалл, благодаря которому я повесил на свою крепкую баронскую шею почти три десятка человек, большая часть которых пребывала в младшем школьном возрасте.

– Или уже в среднем? – пробормотал я, настраивая амулет магического дальновидения, – и учтите – это я сейчас не жалуясь; это я так констатирую факт. Ага, знакомые все лица.

Сказал-то я себе вполне спокойно, а у самого рука задрожала – та, что едва не выпустила амулет в воду. Потому что у борта корабля стоял, и смотрел прямо на меня сам Глава Тихой стражи, младший герцог Этринский.

– Герцог Валлам дон Этринский – так бы его именовали, если бы в его жилах кровь текла не только с красными кровяными тельцами, но и той энергией, которая дает право на наследование титула и земель. А так – просто Валлам ир Этринский. Красного в нем – только большая родинка на щеке. Приметная такая, словно кто-то его галочкой отметил. Ну, ладно – успокоился? Смотрим дальше.

Я для страховки обмотал цепочку амулета вокруг запястья, и только потом приложил его опять к глазу. Олега, который стоял рядом с Главой, и шевелил губами, я оглядел мельком. А что там разглядывать? Его мокрую одежду? У других она сухая, и много интересней. Позади герцога и его мокрого пленника стояли маги. Целых шесть штук. И, если бы я не мог видеть, как бушует внутри них энергия, догадался бы о принадлежности к Искусству именно по камзолам определенного цвета. Еще одна строка из воспоминаний; теперь от графа Мерского. Именно

такая свита сопровождала его, когда он по поручению императора работал его Рукой. Трое, кстати, еще в той поездке присутствовали. Если поднапрячь память, то и имена их вспомню. Но имена не главное; гораздо важнее, что они в ранге Постигающих. Сильные, черти.

А на груди у герцога знак Руки висит. Вон тот, что сейчас сверкает всеми цветами радуги.

– Большой какой, и красивый, – словно позавидовал я, – мой-то поскромнее будет. А впрочем, он уже и не мой – вернул ведь уль Фасону. А это что еще у Главы Тихой стражи? Ну, конечно – разве мог он отправиться в такое путешествие, не озаботившись личной безопасностью. Искусники – вот эти шестеро – они ведь клятву не тебе давали, а самому императору. А вот амулет на груди, что блесит под камзолом и свисает чуть ниже знака Руки, обмануть и предать не может. А защитить – запросто.

Это переплетение тончайших линий на амулете, принадлежавшем младшему герцогу Этринскому, я вряд ли смог бы повторить, даже если бы окончил с отличием все семь школ Искусства империи. Но сама вязь прочно отпечаталась в памяти; еще раньше – ведь она сделала из обычного кристалла мой амулет Высшей защиты. В разных частях тела ир Этринского – не любит он, когда его так называют, а приходится терпеть – сверкали и другие кристаллы. Хватало их и на искусниках. Кстати, замершие за спиной Главы двое охранников тоже принадлежали к этой почтенной прослойке местного общества. Огневики, немного слабее того, кто стоял крайним правым в шеренге шестерки, в бою (особенно подлом, из-за угла), наверное, могли раскатать всю эту напыщенную, важную даже рядом с Валланом ир Этринским, кодлу. Поочередно – так на сто процентов. А умельцы из Тихой обычно так и работают. Я знаю, сам был таким.

Что еще мне было интересным на этом судне? Да много что еще, но время поджимало – тем более, что весла шевельнулись чуть сильнее, и кораблик двинулся вверх по течению, где располагался местный порт. Там я еще не был – ни сам, ни вместе с уль Денизом. Ну, а Эмрела с графом Мерским Вилим ни разу в гости не приглашал. Эмрел, правда, заявился...

– Итак, – чем нам... точнее, мне, грозит побег Олега, и что можно и нужно рассказать графу Гарскому? А ведь придется рассказывать почти все! А все клятва с долгом, будь она неладна. Первое – что может рассказать сам Олег – когда его смогут понять? Наверное, быстро смогут – вон какие силы с Главой прибыли. Особенно Фиолетовый маг. Что мы из другого мира? Что граф таит сразу несколько подпольных искусников? Что еще? Ага – про Эльжбет, про ее прошлое. Вот это Вилиму будет неприятно. Не смертельно, но очень... в общем, в имперскую столицу для него, скорее всего, путь будет заказан. И самое главное – Черное Искусство. Разговорят, гады; тут даже сомневаться не приходится. Герцог Этринский в таких делах тот еще монстр. Да и ребятки у него... искусники, к тому же. Чем это грозит? Мне – не знаю, наверное, прямо сразу не казнят. Вот Катю с Лидой сразу. Если только какую-нибудь игру не затеют. Но там результат может быть еще печальней. Вилиму? Плохо будет – он ведь на всех троих свои ошейники одел. Нет, одел-то как раз не он, а уль Масхи, но герцогу и этого хватит.

А для меня главное, что я смолчал, не доложил сразу насчет таких опасных родственных связей Черной ведьмы. И тем самым нанес урон графу. Черт возьми! Придется ведь исправляться, докладывать. Не хочется, а придется. А потом пытаться как-то защитить девчонок. Еще раз – черт побери! Ну, не знаю я, чем все это кончится. Хоть хватай всех, и вперед, в степь, а потом в Лес и горы. Так ведь не получится. Тогда и детей всех положат. Где же выход?

Выход из подземелья по-прежнему был открыт. И никто в подвале не появился. Значит, было время на заматывание следов. А то, что скоро здесь все перевернут верх дном, я не сомневался.

– Раньше надо было порядок в доме наводить, – поворчал я в сторону хозяев замка, – развели тут паутину... черную.

Все – железо, камни, прилегающие к дверной коробке, и даже воздух вокруг них я обработал... огнем. Очищающим, залившим все не хуже, чем в какой-нибудь мартеновской печи. За металл не беспокоился – пусть немного поведет; на пол не стечет, за доли секунды нестерпимого жара. А если и стечет – пусть ходят, вынюхивают, что тут было раньше. Дверь выстояла. Стала чуть посветлее; поновее, что ли? Сравнилась внешним видом с теми, которыми пользовались до меня искусники. Я в эти двери лишь заглянул – ничего интересного там для меня не было. Разве что несколько свитков в лаборатории. Так их содержание я знал практически наизусть – вместе с Гарция. Две другие комнаты имели сугубо бытовое назначение – спальня и санузел. Кухни не было; все же кушать в этом мрачном помещении было как-то не очень... аппетитно.

– А спать? – возразил я себе, ну и уль Денизу тоже.

На что получил ответ, что иногда можно доэкспериментироваться до такой степени, что сил подняться по лестнице просто нет. Несмотря даже на вот эти мрачные двери, каких в подвале осталось только три. Одну из них я вчера уже открывал. И сейчас пытался сделать то же. Не так эффектно, конечно, как в первый раз. Клинок, который вчера служил мне сварочным электродом, сегодня работал газосваркой – в режиме резки металла. Я еще и голубые нити внутри него заставил трудиться, чтобы окалина, и запах от нее не разносило по покоям. Наконец, дверь открылась, и я взгляделся в проем. Обрывки черной магической паутины были и здесь. Я вчера просто не почувствовал ее в горячке виртуального боя, влетая в склеп.

Вот здесь пришлось потрудиться. Оставлять тем, кто будет досматривать помещение, я не собирался ничего. Кроме костей, конечно. Но и они медленно осыпались трухой по мере того, как я вынимал их из цепей. Кончики пальцев остро кололо, когда я дотрагивался до звеньев цепи, хотя никакой магии внутри них я не видел. Пришлось доставать перчатки из волокон даба, и орудовать с их помощью. Мелькнула было мысль спрятать в поясе и эти цепи. Но нет – вспомнил эксперимент графа Мерского; тут же перевел взгляд на батарею камней в поясе. Третий слева камень если и поменял цвет по сравнению с двумя другими, полными, то практически незаметно для глаз. А других измерительных инструментов у меня не было. Пока. Так что я все же прихватил одну цепочку, покороче. Ту, что раньше стягивала череп древнего мага. А все остальные камни поместил в пояс вместе с кожаными браслетами.

– Может, пригодятся именно в таком виде, – решил я, – сколько вас здесь, мои хорошие? Ровно четыреста двенадцать. Это сколько же в золоте будет? А если вас еще и зарядить?

Я для пробы все же вынул один камень – с виду стандартный большой – из крепления, и поделился с ним своей энергией. Кристалл послушно засветился, и я поспешил вернуть себе тепло. Меня ведь еще две двери ждали, а я еще с этой не закончил. Но в этом склепе оставалось только замести следы. Выйдя наружу, в большой зал, я швырнул внутрь слабенькое заклинание Огня. Не для того, чтобы сжечь останки мага. Просто оно развернулось за закрытой уже дверью с эффектом наступательной гранаты – разметав все внутри; смешав костную пыль с обычной. Лучше бы, конечно, было использовать воздушную гранату, но таких заклинаний уль Дениз не знал. И я с ним тоже.

«Продезинфицировав» огнем и эту дверь, я вскрыл соседнюю. Здесь когда-то давно творилось Искусство, работали маги: может даже совершенствовался тот, что был замурован в склепе. Если проще, то здесь была лаборатория. Были столы, какие-то приборы, и кучи свитков, которые при моем появлении скукожились и осыпались пылью; как их вероятный автор недавно. Искать что-то интересное я не стал. Потому что не знал, что тут может быть интересным. В отличие от следующего, последнего в очереди, помещения. Вот здесь сердечко затрепетало, и я все же вспомнил книжки про попаданцев. Здесь когда-то был склад, на который работали здешние оружейники.

– Наверное, складывали здесь то, что изготавливали в соседнем помещении, подумал я, – нет – ковали-то их где-то в другом месте, а здесь «только» Искусством обрабатывали. Ну, там,

если судить по книжкам – самозаточка, невозможность сломать на коленке, или о другой меч... что еще? Ага – вон в тех мечях и камни есть. Пустые, конечно. И в арбалетах... хочу! Хочу все взять! А не получится... а почему нет? В пояс совать, конечно, не буду... кроме вон тех кинжалов, и вот этой перевязи с ножиками... и вот этого арбалета... Кольчужку брать не буду, у меня самого лучше... Хватит!

Я даже выскочил наружу, отдышался, и вернулся назад – вытаскивать все это добро наружу, к лестнице. Никто пока меня не досматривал, не мешал передвигаться в пределах замка, и города. Ну, и рынка, конечно, где у меня был арендован целый трактир.

– Так что будет Фанелу, да и Капитану с Мануэлем работа. Последние, так пусть отрабатывают бесплатное питание. В город, конечно, их пускать не следует, но тут паковать вот это все богатство, и грузить в повозку... а есть у меня еще одна? А лучше две, или три...

Я, конечно, в возбуждении немного преувеличивал. Все это оружие, на вид не потерявшее своих изначальных качеств, поместилось бы в одной повозке. Тяжеловато, конечно, коням придется, но допрут. Тут всего ничего везти, и дорога в основном просто замечательная. А стоит Зиновьеву с чернокожим братом все это показывать? Да пусть смотрят. Пока они смогут изъясниться, да пока им зададут нужные вопросы, я буду уже далеко. И это оружие тоже. Если нас, конечно, вообще выпустят из столицы.

Наконец, и последний схрон, так порадовавший меня, был очищен и продезинфицирован. А я присел на нижней ступени, чтобы перевести дух, и проверить, правильно ли я понижаю нынешний расклад дел; не закралось ли в мои рассуждения какой-нибудь ошибки, что приведет к фатальным последствиям.

– Хуже уже не будет, – решил я, тяжело вставая, – интересно, там Фанел обедом озабочился? Та птичка из трактира давно «улетела», помахав жареными крылышками.

Фанел, как всегда, не подвел. И обед заказал, и обещал подогнать самую крепкую повозку в конюшнях замка. Еще и упаковочным материалом для оружия моей будущей армии меня порадовал. Вообще-то это были обычные кожаные мешки, и «армию» я до сих пор формировать, или нанимать не планировал.

– Но, черт побери, оружие-то нужно куда-то девать. И так сколько лет без дела провалялось.

Я медленно жевал – кстати, таких же самых птичек, что подавали в трактире у «железных» лавок. Туда я тоже собирался заглянуть. Теперь же получалось, что в первую очередь надо заботиться о другом – о продуктах на долгую зиму, о теплой одежде, в том числе детской...

– В первую очередь детской, – подумал я, отрывая очередную ножку, – и витаминами надо озаботиться. Вот я какой стал... хозяйственный. И решать это все надо прямо сейчас, пока графа нет. Сдается мне, что он сразу же погонит меня прятаться. Куда? – понятно. А я ему и сам предложу убрать меня с глаз долой. Не насовсем, конечно. Это Вилиму сделать клятва не позволит. Надеюсь. А всех свидетелей, на кого в перспективе покажет Олежек, я готов забрать с собой. Вот какой я самоотверженный – готов взять огонь на себя, в своем лене, за зимними перевалами. Только бы успеть. А может, прямо сейчас и перебазироваться в трактир? И Капитана с Мануэлем забрать с собой. А Эмрела-Каркола в первую очередь. Этого точно Главе Тихой стражи показывать нельзя; догадается, сволочь. Тут великим логиком быть не нужно, чтобы связать несколько звеньев цепи: Фиолетовый маг-экспериментатор – «трехлетний» Эмрел – и я, такой весь из себя умный. Тут уже меня ничто не спасет. И всех остальных тоже. Разве что на «батарейки» оставят.

Парни, наконец, закончили таскать тяжеленные мешки в повозку.

– Все не поместилось, – Фанел, склонив виновато голову, показал на шесть мешков, сложенных у входной двери, – могут оси не выдержать.

– Ну, вот все само решилось, – почему-то улыбнулся я, – сейчас его за «руль», а остальных в седла, и мешки эти приторочить. Надеюсь, Ворон не обидится? Да – про Каркола

не забыть бы. Он-то конником раньше изрядным был; мог и меня поучить этому искусству. Поучил, кстати. Ну, может оси выдержат его... девяноста килограммов. Жирком стал заплывать парень. Расти побыстрей; умней, и давай за тренировки. Я тебя в свою армию запишу.

Капитан со своим чернокожим партнером (это я про ошейники семицветные) переминаясь с ноги на ногу рядом с мешками. Петр после подвала как-то резко изменился. Даже ростом, кажется, стал меньше. И плечи поникли. Да он даже не спросил, что я там обнаружил, за железной дверью? И куда, все-таки, делся Олег? А у меня была волшебная таблетка от его «хвори».

– Как, мужики, на лошадаках не надоело кататься? Есть предложение сгонять, проведать наших дам. Ах, да, Мануэль – ты-то у нас никого пока не присмотрел. Ну, ничего – какие твои годы?! Или присмотрел?

Шутка явно не удалась. Мануэль даже не улыбнулся. Ну, и не надо – я тут бароном работаю, а не массовиком-затейником. И отказываться он сейчас от поездки не будет, не тот тип. Так что – поехали.

В трактире, который я решил называть «Железным» – сам Ганид ему названия почему-то не дал – нас как-то не ждали. Нет, обрадовались, конечно (это я Галя имею в виду), но отвлеклись от разговоров, только когда я громко кашлянул у двери. Галя подошла одна. Другие почему-то смотрели с опаской.

– Это что же тут про меня наговорили – пока я общие проблемы решал?

Оказывается, я спросил это вслух. Ну, или Галя научилась читать мои мысли.

– Не верят они все в то, что у нас тут вокруг. Или не хотят верить. Даже спорить принялись, куда теперь податься...

– А что, есть варианты?

Я лучшего, чем возможность примкнуть к моей команде, не видел. Но это я, а может, тут кто-то умней оказался? Так пусть этот умник поработает физически; отработает еду и проживание в отеле. Я имел в виду сейчас взрослых мужчин. Им и скомандовал, пока Галя считала те самые варианты. Это я так решил, увидев, как она задумалась. Не выпуская ее из рук (точнее – руки, левой, которой я ее и прижимал к собственному боку) скомандовал громко:

– Все взрослые здоровые мужики сейчас на улицу – помогать выгружать имущество. Вот как парни таскают.

Я чуть шагнул в сторону, вместе с Галей, и в дверь первым вошел Фанел, согнувшийся под тяжестью сразу двух мешков.

– Неси наверх, где мы с тобой искусника... в общем, ты понял.

Следом, тоже с двумя мешками, вошел, и тут же остановился Капитан. Он повел головой в сторону закрытого мной совещания, явно отыскивая знакомую фигурку; а та уже неслась к нему сама. Даже попыталась подпрыгнуть, повиснуть на его шее. Хорошо я перехватил, чем заработал еще одно неразборчивое ругательство в мой адрес. И это вдруг разрядило сгустившуюся с нашим появлением атмосферу. Галя громко расхохоталась, явно забыв про всякие там варианты; к ней присоединилась Лида...

– Блин, им же ведь сейчас про Олега рассказывать придется. Хорошо – видел своими глазами, что он жив и здоров. В речке купается, и разговоры интересные ведет. Это я, наверное, зря так ерничаю – жаль парня, хоть он и паразит. Этринский его из своих лап не выпустит. А уж когда узнает, что он Черный...

Катенька свою ошибку явно осознала – пошла рядом с Капитаном на второй этаж, едва придерживаясь за один из мешков. Даже – показалось мне – пыталась снизу подтолкнуть, чтобы, значит, Петеньке полегче было. Ну, вот такая я сволочь – подслушал несколько раз, как она Капитана называет.

Ну, а Мануэль нес один мешок. И столкнулся на лестнице с хозяином, Ганидом. Тот замер на такую долю секунды, которую осознать смог, наверное, только я. А потом развернулся

в прыжке, и с подвыванием исчез за дверью черного хода. Выражения лица Мануэля я при этом не видел. Наверное, надо было поймать трактирщика, объяснить ему как-то появление такого интересного персонажа в его заведении. Иначе могла случиться беда – поднимет народ и вернется жечь свой трактир. Ну, тогда я ему не завидую. Злость какая-то во мне запульсировала. Помогу – жечь. А потом в соседний отель перееду. А пока – что это мужички не торопятся? Я добавил в голос морозца; наверное, слишком много, потому что после моих слов и учитель, и какой-то бравый мужичок, явно из военных, отставников, и даже китайцы, которые могли не знать не только имперского, но и русского языка, помчались мимо меня на улицу, на погрузочно-разгрузочные работы.

А злость отступила – когда Галя взяла меня за руку, и спокойно, совершенно по-домашнему, спросила:

– Ты, наверное, голоден?

– Пообедал, – повернулся я к ней с ответной улыбкой, – а вот от чайку горячего не откажусь.

Лицо моей драгоценной супруги немного сморщилось; как я понял, от огорчения – чая-то здесь не знали. Вернее, знали, но был он достаточно дорог, и привозили его из далекой какой-то страны. Туда даже граф Мерский не добирался. Его, чай, кстати, в империи не очень жаловали. Статусный, конечно, напиток; очень дорогой. Но пользовались все, от последнего раба, до самого императора (это я так предположил – чай с ним, даже в прошлых жизнях, не распивал) местными аналогами. Отварами трав, если проще. Вот тут у производителей фантазия просто зашкаливала. Всех сборов, наверное, не смог бы перечислить никто. Но были и традиционные, проверенные временем. Вот такой, в кувшине, своим длинным носиком напомнившим мне чайник, и принесла служанка.

Интересный, кстати, был «чайничек», артефактный. По нашим меркам – с автоподогревом. Это обеспечивал маленький камушек в ручке. Для трактира такого уровня, как «Железный», что-то невероятное.

– Наверное, в заначке у хозяина где-то хранился, – решил я, жестом останавливая Фанела, который уже стоял за моей спиной, и готов был налить ароматный отвар в мой стакан – тоже статусный, стеклянный, – именно для такого вот случая. Как же – целый барон своим вниманием одарил. А что будет, если завтра сюда граф прибудет? Пригласить, что ли, Вилима? Шучу – у него свадьба завтра, не до меня. Хотя... с утра-то я ему настроение подпорчу. А себе-то самому зачем портить? Сижу, чаек попиваю, женщина рядом красивая, моя... И рассказами развлекают – красота!

Отвар я разлил сам – себе в этот самый, стеклянный, разве что не граненый. Он, кстати, совсем не обжигал руки. Ну, а Гале и малолетнему рассказчику в глиняные налил. Честь для мальчишки, для Павлика Морозова, великая по здешним меркам. Да, я решил, что рассказ о том, как сюда, в этот мир, попала еще одна группа владимирцев, и гостей нашего города, и что им пришлось пережить, вполне может прозвучать из уст двенадцатилетнего мальчишки. Он, по крайней мере, выводов своих прикладывать не будет. Что видел, то и расскажет. Я так думаю.

Так что, направляясь к столу со скамьями, которые я облюбовал для чаепития, я взял за руку соседа, и привел его с собой. За ним, правда, увязались еще двое – долговязый парнишка с обмотанным почти полностью лицом, и длинный настолько, что я поначалу принял его за взрослого. Но нет, это явно был одноклассник Пашки. Акселерат. Синий, кстати. Потенциальный искусник ветви Воды. А вторая девчонка – та самая, Оранжевая. Характерец, наверное, как... как у Катеньке нашей – вон как надула губы, когда ее за стол не пригласили. Но кое что о порядках, царивших в графстве, и обо мне, любимом, всем тут рассказали. Ни эти двое, дернувшиеся следом за Павликом, и никто другой присесть на скамью не успел. Даже Катя. Ну, так ей и не до меня; вообще ни до кого на свете – она с Капитаном общается. Воркуют.

Я вздохнул, и велел слуге, который едва слышно дышал над моей головой:

– Фанел, хозяина отыщи, Ганида. А потом вместе с ним найдите мне самого честного... нет, самого пронырливого торговца. Оптовика. Который сможет за один день собрать караван с продуктами, одеждой... в-общем, всем, что нужно для жизни в сезон Морозов скажем... для полтысячи человек.

Катя, явно прислушивавшаяся к моим словам, даже прервала свое нежное общение с Петром, стрельнула в меня недоумевающим взглядом: «Откуда столько?».

– Откуда – откуда? От верблюда! – рассердился я про себя; не на Катю, на стечение обстоятельств, – еще неизвестно, сколько там в деревне моей едоков живет. И есть ли у них что покушать. Рыба, конечно...

Я представил себе, что полгода буду есть одну рыбу, и передернул плечами.

– Да, скажи там, чтобы еще две кружки сюда принесли.

Фанел исчез, явно неодобрительно покачивая головой, а я кивнул ребятишкам – Оранжевой и Синему: «Садитесь, чего уж там». Но предупредил:

– Сейчас ты, Паша, расскажешь, что с вами случилось за эти дни, а вы двое не перебивайте. Иначе сделаю вас немыми.

– Ух, ты! – тут же нарушил мое повеление Синий, с лицом, обмотанным тряпками, – магией? А тут точно есть магия... дяденька? А покажите!

Ну, что будешь делать? Как барон во мне не пытался превозмочь выпускника сельхозакадемии, пока матч между ними шел вничью. Сейчас вот бывший студент побеждал.

– Я, конечно, не маг, – усмехнулся я, – но по случаю тут несколькими артефактами разжился. Да, все могут садиться – не дышите так громко над душой (это уже барон сказал). Смотри.

Я неторопливо пошарил в поясе, прикидывая, какой именно трюк могу сейчас предъяснить в качестве доказательства, не выдав своих секретов. Но и не опозорившись при этом, выдав пшик вместо грандиозного зрелища. Решил совместить приятное с полезным. В зале было темновато; свет сюда проникал из крохотных окошек; застекленных мутными стеклышками, каждое не больше квадратного дециметра. Никакого камина, как в книжках, в котором сейчас жарился бы целый бык, и огонь из которого освещал бы обеденный зал, тут не было. Да тут даже барной стойки не было, за которой стоял бы Гамид, и протирали бы стаканы... Нет – стакан, единственный, который стоял передо мной и парил отваром.

Наконец, на свет появился кристалл – стандартный Большой, пока пустой. Вот я и решил заодно проверить свои умения. Заклинаний Воздуха я не знал, но голой силой оперировать мог. И проделал-таки такой фокус – напитал камень энергией Воздуха так, что он начал чуть светиться голубизной, и мягко вырваться кверху из моих пальцев.

– Подожди, – сказал я ему, неслышно для зрителей, конечно, – это еще не все.

Теперь в кристалл тонкой струйкой полилась энергия Огня. Пространство над столом наполнилось светом; чересчур ярким для глаз. Вон – детишки даже глаза прикрыли – пять глаз на троих; у длинного одна сторона была обмотана наглухо. Я только сейчас пригляделся внимательней. Судя по остаточной черноте, что клубилась под повязкой, ходить этому парню одноглазым всю оставшуюся жизнь. Если только...

Я еще раз вздохнул; уже глубже:

– Придется еще один «фокус» показывать. После этой лампочки... ватт на пятьсот.

Я подкинул кристалл к потолку, не отпуская его пока окончательно. «Пуповину», тоненькую голубую ниточку, которая подпитывала светлячок, я перерезал, когда тот завис в нужной для меня точке. Он еще и «побегал» вдоль потолка, пока я не определил, какая точка меня устроит больше. Оказалось – точно над нашим столом. И не спит, и видно лучше, чем всем остальным.

– Ух, ты... класс! – первым отреагировал Макс, или Каланча – так представил своего одноклассника Пашка.

А я уже стоял за его спиной, и в руках у меня был один из целительских амулетов, которым и я обзавелся буквально пару часов назад. Это было дорогим, очень дорогим удовольствием.

– Ну, не дороже, чем эта лампочка, – усмехнулся я, бросив взгляд кверху, в то время, как мои руки проделывали уже закрепленные в памяти процедуры.

Судя по памяти Гарция, а теперь и моей, на такой кристалл, заряженный под завязку, пожалуй, весь трактир можно было купить. Если только Ганид не устроил здесь заначку на пару десятков золотых. Нет, наверное, не устроил – вон как на единственную золотую монету смотрел! А амулет-то слабоват оказался – для такой раны. Зарастет, конечно, все, но видеть парень не будет. Надо помочь.

Не отрывая теперь взгляда от головы мальчика, я принялся добавлять в тонкую зеленую струйку, что истекала в место соприкосновения макушки с камнем амулета, еще одну, немного потолще. Было, конечно, опасение, что что-то сделаю не так, но...

– Хуже не будет, – решил я, и в следующее мгновение увидел, как целые волны зеленого цвета буквально ринулись в атаку – как раз в том месте, где находился раненый глаз.

И совсем скоро я эффектным рывком завершил лечение. Только что: «Вуаля!», – не сказал. Или как там фокусники заканчивают свое выступление? Но эффект и без всяких слов оказался ошеломительным. Крохотные; тонкие и невидимые ноготки, удлинившие мои родные ногти во времени и пространстве – на пару миллиметров, и пару секунд – помогли мне аккуратно, и в то же время одним движением освободить лицо пацана от тряпок. Абсолютно чистое, кстати, лицо – даже без потеков засохшей крови и без единого рубца. И глаз сверкал, и даже вращался – как будто не верил, что возродился.

– Ну, как-то так, – чуть смущенно пробормотал я, оказываясь опять на своем месте, рядом с Галей.

Она ласково погладила меня по плечу: «Молодец!». А все остальные молчали. Даже не похлопали – обидно, однако!

Впрочем, мне их восхищения не нужно. Убедились, что магия тут действительно рулит, и хватит. Нет, еще одно – подарки такие раздаю, а моя Галя? Чуть подумав, я решил, что особой беды не будет, если я сделаю сейчас ей подарок при всем честном народе. Это я авансом – про «честной». Мало ли кто попался сейчас мне. Вон – китайцы, вроде, недобро глазами зыркают. Не все. Те, наверное, кто своих женщин здесь потерял. Ждут, что ли, что я их сейчас представлю в живом виде? А я не волшебник, я только учусь. И вообще – у меня чай стынет, и Паша не все рассказал...

После рассказа, который больше никто не перебивал, я задумался. И не только я. Потом я родил версию, которая, наверное, могла прийти раньше не только в мою голову.

– Там, между «Панорамой», и обзорной площадкой, где вы все были, метров... четыреста, наверное. Между нами дома какие-то были, дорога на Муром – там тоже машины катили. Да и по другую сторону от нашего ресторана, если его считать центром катаклизма, – тоже хватало строений. Если даже за радиус взять эти четыреста метров, то в теории сейчас по степи может куча народа бродить. И в Запретном Лесу тоже. Но последним, скорее всего, повезти так, как нам, не могло.

– А почему, собственно, вы именно этот ресторан считаете центром катастрофы?

Вопрос задал учитель; я от него иного и не ожидал. Кивнул:

– Можно на «ты». В империи Золт почему-то не принято выкать. И не забывай добавлять господин барон, или твоя милость. Именно так, – добавил я, увидев, как тот попытался возразить; сейчас уже говорил исключительно барон ван Столбов, – и никак иначе. Повторять

больше не буду. И кланяться не забывайте. А что касается центра катаклизма, то все просто – там ведь находился я.

– А.а.а... , понятно, – протянул Сергей Николаевич Баженов, учитель – интересно знать, какой предмет он преподавал?

А ведь я ничуть не покривил душой. Именно я и находился на самом острие атаки метеорита, а точнее, того светлого облака, которое он гнал перед собой. Ведь именно меня, судя по всему, оно «наградило» плюшками по-полной. Прямо-таки невероятными способностями, судя по тому, как я сам удивляюсь себе, вместе с памятью искусника Гарция.

– Ну, хорошо, теперь о наших делах скорбных.

Галя поднялась рядом первой. Потом мальчишки с девчонкой Оранжевой подскочили, а за ними и все остальные. И это правильно, и вовремя. Ведь в дверях уже топтались, не смея войти без моего разрешения, Фанел с Ганидом, и еще один мужичок, совершенно не похожий на торговца.

– Скорее на война он похож, – решил я, оглядывая крепкую фигуру смуглого мужика лет сорока пяти – пятидесяти, – хотя одно другому не мешает. Если он водит караваны, так должен знать, с какой стороны за меч братья. Или за кинжал – вон, какой переросток висит у него на поясе.

А Фанел уже стоял за моей спиной – ему разрешения не требовалось. А вот почему Ганид там мнется? Хозяин-то здесь он. Ага – Мануэля выглядывает. Теперь-то в зале светло, как на улице в летний полдень.

– Давайте сюда, – помахал я рукой этой парочке, – можете присаживаться.

Сам я уже сидел, и с интересом смотрел, как оба с некоторой опаской и недоверием поклонились, едва не достав лбами до скамьи, и осторожно переступили ее, присаживая так, словно их крепкие зады ждало не твердое дерево, а сотни иголок. Я повернулся к Галине. Та – молодец – и без вопроса поняла, что я хочу спросить о задании, которую я ей оставлял.

– Вон, – показала она мне на пожилую женщину, Альбину Александровну, которая и Каланчу перевязывала, и всем бытом командовала, и вообще – строила их коллектив, включая китайцев, по меркам военного времени; и у нее неплохо получалось, – это Сулова Альбина Александровна, и ее муж, Виктор Федорович.

Я невольно улыбнулся тому, в какой последовательности представила мне эту пару супруга. А Галя продолжила:

– Я с ней и обговаривала вопрос насчет снабжения. Хватка у ней в этих делах – железная.

– Железная – это хорошо, – похвалил я, – вот пусть с этими ребятами и обговаривает, сколько и чего нужно. С доставкой. А вопросы цены и адреса этой самой доставки я уже сам решу. Сейчас у меня другие дела есть. Да и не дело это – барону торговаться.

Галя кивнула – не осуждающе; она новые правила игры приняла всерьез. Скорее, понимающе. Но сомнение все-таки высказала:

– Так они же...

– А мы переводчицу попросим, Катерину, – повернулся я к девушке, – у тебя найдется, чем записать?

И вроде не приказывал я ей; скорее, просил. Но, зная ее своенравный характер, ждал все-таки взрыва недовольства. Ну, хотя бы бурчания негромкого. Но нет, смолчала. Может, это Капитан так на нее действуют положительно?

– Нет – скорее всего, про Олега ей рассказал. То-то она какая-то тихая. И сюда идет, послушно кивнув головой. За ручку с Петром, конечно. Но я Петеньку у тебя сейчас заберу; нужен он мне. Или обойдусь?

В результате я оставил за столом чету Суловых и Катерину в качестве переводчицы напротив торговца, который был вооружен лишь кинжалом, что против блокнота с ручкой смотрелось, на первый взгляд вполне внушительно. Но в торговых делах безобидные вещицы

из нашего мира, да еще айфон в качестве калькулятора, который Галя оставила Катеньке с Альбиной Александровной на время, были на порядок нужней и авторитетней.

Я как раз поднялся на первую ступень лестницы, и оглянулся, когда маленький экран лежащего на столешнице айфона осветился, подчинившись легкому нажатию Катиного пальчика. Лицо торговца, имени которого я пока не знал (ну забыл; барону простительно) стало таким несчастным и жадно заинтересованным, что я невольно решил было отобрать у кого-нибудь из наших такой же гаджет, и расплатиться частично им. Но нет, до такого я еще не опустился – обмануть человека, который, быть может, сделает нашу жизнь этой зимой относительно комфортной, я не решился. Золотом обойдусь. Точнее, он обойдется.

В комнате, куда я вошел последним, и где целый угол был заставлен мешками с оружием, уже стояли – Галя, Капитан, Лида и учитель, Сергей Николаевич. Именно с ними я решил провести совещание. Понятно, по какому вопросу – Олег. Да, еще Фанел вошел за мной следом. Но его я отправил за дверь – пусть охраняет, и прислушивается; да хоть и к тому, что происходит внутри. Лишь бы не подглядывал. Почему? Да потому что я решил, что сейчас опять можно отдать бразды правления выпускнику сельхозакадемии. Расслабившись всем телом, и лицом в том числе, я махнул рукой на два дивана и стулья, которых в этом люксовом номере хватало на всех:

– Садитесь, чего уж там. Можно пока по-простому, без «твоей милости». Тем более, что моей милости может скоро прийти конец. И вам вместе со мной.

Не удивился только Капитан. А Галя спросила первой:

– Что случилось, Миша?

– Олег сбежал.

– Ну, и что? – не поняла трагизма в моем голосе Лида, – как сбежал, так и найдется. Он парень видный... я имею в виду здесь – одежда там, и ошейник. И языка не знает. Да его стражники, или другие люди сами в замок приведут. Как раньше (это уже совсем тихо), полиция домой доставляла, словно бревно бесчувственное.

– Точно, – поддержал ее Капитан – не про полицию, конечно; про местную стражу.

– Да, ты ведь не знаешь еще, – повернулся я к нему, – там, в подвале, за дверью, подземный ход оказался. А вел он к реке; дыру кто-то давно наружу проломил. Вот в нее он и сбежал.

– Плавать-то он хоть умел? – Зиновьев повернулся с вопросом к Лидии; вроде даже с какой-то надеждой в голосе.

– Не утоп, – разбил я их, – его на какой-то корабль подобрали. Успел я разглядеть.

– Ну, так моряки его и приведут к графу, – это опять Капитан.

– Непростые это морячки, – покачал я головой, – помните того, фиолетового, в лесу.

Кивнули все, даже учитель. Видимо, ему, и всем остальным о наших злоключениях успели рассказать.

– Я имею в виду его наряд, – поспешил я продолжить, чтобы Лида, да и все остальные, не возвращались слишком уж глубоко к тем событиям, – так вот – на корабле таких было аж шестеро. Важные такие, как индюки. С кучей амулетов на шеях. Вот такими.

Я достал из пояса защитный амулет, зарядил его незаметно для остальных по полной, и надел цепочку с камнем Гале на грудь. И поправил его там, вызвав небольшое смущение на ее лице. А я еще и задержал ладонь – ну, приятно же.

– Заправь под куртку, – посоветовал я, и не снимай никогда. Это защитный амулет. Потом объясню, как он работает.

Галя моему совету последовала тут же. Закинула камень куда-то внутрь своей одежды, заставив теперь смутиться меня. Немного, но заставила.

– Ой, кольнуло!

– Это привязка, – поспешил успокоить ее я, – теперь от тебя несколько арбалетных болтов отскочит, не повредив. Хотя, конечно, лучше избегать таких ситуаций. Но жизнь нас к ним

подталкивает. Так вот – продолжу. Все шестеро искусников там одеты были в разные цвета. Как на радуге. Только красного не хватало. Зачем они приехали к графу? Память охотника мне помочь не может. Но утверждает, что эти ребята смогут Олега как-то разговорить. Магия (это я остановил Капитана, открывшего было рот)! И уж, конечно, поинтересуются, что это за искусник бесхозный тут бегаёт. Точнее, плавает.

– А он маг? – все-таки вставил свою фразу Петр.

– Не знаю, – соврал я, – его ведь не проверили. Но... вот у Лиды спросите – похож он был характером и повадками на свою мать? Извини, если обидел.

– Да что уж там, – устало отмахнулась недавняя невеста – она о своей свадьбе, наверное, и не вспоминала, – хоть и брат он мне, а скрывать не буду. Мама хоть нас всех любила, и в обиду не давала. А этот... Гад он, в общем, по жизни. И если ему есть что сдать, он обязательно сдаст.

– А что он может сдать? Что он вообще знает? И чем может быть полезным для тех магов. Что-то закончил, кем-то работал?

– А, – махнула рукой Лида, – можно сказать, что никем, и никогда. Папа все...

Ее лицо вдруг скривилось, и Лидия закрыла его ладонями, из-под которых зазвучали не сдерживаемые рыдания. И слова, которые били по голове, как молоты:

– Господи, за что мне все это?! И мама, и папа, и Олежка теперь. И Игорь там остался...

– Игорь?

Галя, уже остановившаяся у подруги, и обнявшая ее, повернула голову, и прошептала беззвучно: «Жених». А Лида словно услышала, или почувствовала – оттолкнула ее, и отняла руки от лица. Смотрела она теперь почти зло:

– Ну, да – пятый! Что уставились? Любила я его, понимаете? И остальных любила. Думаете – не бывает так?

Я как раз ничего не думал. И женщине верил – мало ли как в жизни бывает. В конце концов, это ее жизнь. Только вот переплелась она тут с нашими. Моей, в частности. Но утешать и оправдываться я не спешил. Ну, не психолог я ни разу. Сюда бы того попа, о котором Паша рассказывал. Так он с другими двумя в степи остался. Навсегда. Тут я степняков понимаю. Не оправдываю, а понимаю. С Черными тут... однозначно. А священники в черных рясах, да с поднятыми руками – наступают, молитвы поют, наверное. А здесь молитв нет, одни заклятия. Или проклятия. Вот парни, которые с луками и стрелами, и не выдержали. А потом и китайцы... «приватизировали». Опять в своем праве были? Ну, не знаю. Я вообще-то говорил уже, что расист немного. Так вот, девчат тех, конечно, жалко. Но китайцев я все равно не люблю. Не знаю, почему, но это факт. Ничего они мне плохого не сделали. Больше того – во всем китайском давно хожу, и не жалею. Просто... слишком много его вокруг нас стало, китайского. Вот и здесь без них не обошлось. Ну, да ладно.

Совещание наше зашло в тупик. Как-то все нескладно получилось. Сдается, мне самому разруливать придется. Ну, хоть разместиться-то у них здесь спокойно, без скандалов, получится? Этот номер, вообще-то мой. То есть наш с Галей. У нас, между прочим, не то что медовый месяц – первая медовая неделя только началась.

Я встал с дивана, который оккупировал вместе с Галей; сделал всем приглашающий жест в сторону дверей. Галина вдруг замялась.

– Мы тут детей хотели поселить, – заявила она, – девочек. Тут удобнее – санузел свой, не надо бегать ночью в коридор.

Оп-па! А меня не спросили. А тут, между прочим, оружие боевое складировано; по большей части артефактное. Вопроса: «А где мы с тобой будем ночевать?», – я задать не успел. Галя сама на него ответила:

– Я думала, мы назад вернемся, в замок.

Я и сам предпочел бы понежиться в нашей ванной, да отдохнуть на той самой кровати, которая для нас с Галиной стала брачным ложем; если она мне, конечно, даст. В смысле,

поспать. Но в свете того обстоятельства, что именно из этих покоев совершил побег искусник с ошейником на шее, и возможного появления там той самой команды с корабля, Галю я туда не пущу. А с утра и графская стража примчится: как же так – неучтенный лаз в замок! Кто им скажет? Да я же и скажу. Вот с утра дождусь, когда Вилим закончит встречу с предками, и во всем признаюсь. Ну, почти во всем.

– В замок я тебя больше не пущу, – категорично заявил я, – и всех остальных тоже. А здесь (я обвел взглядом большую комнату, из которой вели двери еще в четыре помещения) так и быть, пусть ночуют дети, как вы определили. Но – вместе с тобой. Статус, чтоб его продрало. Это ты, баронесса ван Столбова, пустишь к себе переночевать несчастных деток. Ну, и за этими вот мешками проследишь.

– А ты? – Галя, конечно, не допускала мысли, что я собрался ночевать в спальне, полной юных девочек.

Но в лице их учителя нарисовалось что-то очень нехорошее, причем в мой адрес. Наверное, вспомнил, как барон ван Горок щупал на рынке «товар».

– А ты... господин барон?

Последнее он выцедил из себя, потому что я успел перевести на него холодный взгляд. Который без слов говорил: «А это не твое дело, Сергей Николаевич». Но ответил все-таки Гале:

– Мне надо в замке дежурить. Графа отловить – он рано утром с какой-то церемонии должен ненадолго появиться. Потом свадьба; то, сё. Как бы меня не опередил кто – со своей интерпретацией событий... Это ты еще, Галчонок, не знаешь, что у меня на завтра дуэль назначена. До которой еще дожить нужно.

Последнее я, конечно, не озвучил. А учителю я вопрос все же задал, опять «включив» барона:

– А ты какой предмет преподавал?

Сергей Николаевич помялся; явно забыл уже то время, когда его по имени называли, без отчества, но ответил.

– Химию и биологию. А пятому «А» ботанику.

– Химию и биологию...? – протянул я заинтересованно.

Сергей Николаевич сделал попытку угадать, что именно заинтересовало меня. Заявил как-то чересчур вызывающе:

– Да, порох, если понадобится, изготовить смогу, – потом, после моей долгой паузы, которой я выражал недоумение (даже бровь изогнул; правда, сам не видел, как получилось), добавил, – это я рассказов Каланчи наслушался. То есть, Максима Погорелова. Он у нас фантастикой увлекается, про попаданцев. Вот я и...

– Понятно, – кивнул я, показывая, что разговор завершен, – идем вниз.

И пошел из комнаты, пропустив вперед Галю с Лидой. Чуть и для остальных не придержал дверь – так задумался про рослого паренька; точнее, про его фамилию. Один-то Погорелов у нас уже был – там, в Лесу остался.

А торговля внизу уже практически подошла к концу. Нет, неправильно выразился. Торговля только сейчас начнется. А пока стороны приводили к общему знаменателю запросы и возможности.

– Вот, – протянула мне листок Катя, – тут все подробно расписано.

Почерк у нее был замечательный; и писала она аккуратно, выделяя в нужных местах заглавные буквы, какие-то таблички. Даже восклицательные знаки поставила там, где, на ее взгляд (ну, или Альбины Александровны) я должен был остановить свое внимание. Писала она, естественно, по-русски, и терминами пользовалась нашими; в вольном переводе с имперского. По крайней мере, я такого продукта, как горох лущеный, в местном языке не знал. А в списке он присутствовал; с пометкой – одна тонна. Ну, и так дальше.

Поработали мои помощники хорошо. И я им полностью доверял. Но просмотрел все листки, от первого до последнего – надо же показать, как я уважаю их труд. Два из них отделил.

– Вот здесь все мясное вычеркнуть. Мяса у нас и своего хватает.

Почему-то у меня не было ни капли сомнения, что племя Трех стрел явится для дачи мне клятвы на крови. Может, чтобы бой дать – последний, так сказать, и решительный. Или какую-нибудь увертку придумают. Но не явиться не посмеют. А у них мяса, и шерсти – на всю жизнь моей полутысяче хватит. Только сохранить не получится. Ну, посмотрим. Кстати, может, этот самый торгош – Гардан его зовут, оказывается, – и со стадами, да табунами поможет. Купит, там, или найдет кого-нибудь, типа арендаторов. Я ведь тоже буду думать – как степняков от гнева графа дум Гарского освободить. От клятвы, говорят, не получится, но хоть в степь их вернуть.

Наконец, все списки утрясли; получилось, если переводить в «тонно-километры», почти сотня возов-фургонов.

– Что-то многовато, – подумал я, представляя, как сейчас изменится лицо Гардана, когда он узнает, куда именно вести караван.

– И куда, твоя милость, доставить эти возы? – купец чуть приподнялся, и поклонился над столом.

А потом рухнул назад, когда я ответил одним словом: «В Тубур».

Приплыли. Или приехали. В смысле, никуда купец теперь ехать не собирался. Он это готов был сказать, не взирая на мой возможный гнев. Но я поспешил успокоить его, совсем не ругая себя за такую вот шуточку. А что – совсем без улыбок жить, что ли? Хотя бы таких вот кривых, какую пытается изобразить торговец.

– Я уточню, Гардан. Не до самого замка, который граф ван Гарский подарил мне, а до начала ущелья, что ведет в него. По Большой Степи, в общем. В горы я сам товар повезу.

Торговец перевел дух. Как ему показалось, наверное, незаметно. И выпалил, явно добавляя большую, чем предполагал, маржу – за недавний испуг:

– Сорок золотых!

Вы думаете, что это очень мало? – за сотню подвод с товаром, трафик в две стороны, да еще охрану по степной дороге. Так вот – это очень много. Так много, что я... поднял глаза к потолку. И Гардан тоже, уткнувшись взглядом в кристалл, который прилежно испускал кванты света.

– Я мог бы взять кристаллами, – заявил он вдруг.

– Ну-ну, – поощрил я его взглядом; цены-то текущие на такой товар я так и не успел узнать.

– По золотому за большой кристалл. Или по шесть – полностью заряженных.

Я свистеть не стал (денег не будет!), хотя удивился изрядно. Уль Дениз для своего агента на рынке заряжал кристаллы вдвое дешевле. Или торговец тот, Чилим, обманывал, или золото за последние полгода сильно подешевело.

– Скорее, дефицит искусников, – решил я, едва удержавшись от того, чтобы взять в руки Галин айфон, так и лежащий на столе; он, кстати, уже мигал, показывая, что зарядка заканчивается.

Нехитрые арифметические расчеты я мог сделать и в уме. Так что совсем скоро я снял с шеи баронский медальон, положил его на ладонь, и пригласил Гардана положить сверху свою. Но тут же накрыл Знак, поставив еще одно условие:

– И еще – о том, куда ты везешь товар, и для кого, не должен знать никто. Граф дум Гарский знает. Можешь считать, что мы торгуемся тут с его разрешения, – торговец заколебался, и я добавил, – об этом я дам слово на своем Знаке.

Гардан опять протянул вперед руку; теперь уже решительно. А я, словно для солидности, а на самом деле для того, чтобы не перечислять в договоре весь перечень товаров, сверху еще

и стопку листков положил. И все – через пять минут я отсчитал Гардану двадцать золотых монет, обещал отдать оставшиеся восемнадцать (выторговал два, однако) на месте, у входа в ущелье. Ну, или полными кристаллами по семь золотых за штуку. Аппаратуру для проверки кристаллов он обещал привезти с собой.

– Не бедный, однако, дядечка, – с уважением подумал я, и предложил, – охрана не нужна?

Потому что двадцать золотых монет это умопомрачительная сумма. И о том, что у Гардана она есть, скоро узнает весь рынок, а потом и город. Хотя здесь (я обвел глазами зал) все свои. А, нет! Вон – трактирщик ухом одним к нам повернулся. Я и позвал его, когда Гардан, поклонившись, покинул помещение.

– Ганид, – сказал я ему, понизив, словно для конспирации, голос, – мы, наверное, у тебя задержимся. Вот, держи.

На столешницу, а потом в ладонь трактирщика переключалась еще одна золотая монета. Баловал я его, ох, баловал. Он, конечно, как и всякий честный трактирщик, работал еще и внештатным доносчиком в органы. Но осуждать его я не собирался – такова жизнь. Вот и пусть доносит, что я тут никуда не спешу; обрастаю людьми и связями. Еще, для надежности, велел к послезавтрашнему утру другого торговца вызвать. Чилима, к примеру. Завтра-то я весь день занят, свадьба у сюзерена.

– Ну, что, – встал я, поведя плечами, – славно поработали. Теперь ужинать и по местам. А мне пора. Не хочу по темноте тут ноги ломать. Так что...

Я повернулся к Гале, чтобы поцеловать; крепко, не смотря на кучу зрителей, включая малолетних. Но взгляд мой задержался на несчастном лице Катеньки. Вообще-то я и без слов понял, о чем именно хочет меня попросить девчушка. Только характер показывала. Но перебила себя, высказала просьбу; так тихо, что услышал, наверное, только я, ну и Галя с Капитаном, что застыл горой за Катенькой:

– Твоя... милость... если сможешь, Олежку...

– Если смогу – доставлю сюда, или в другое безопасное место, – искренне пообещал я, – честно.

Подумав, я достал из пояса обе кобуры с пээмами. В какой-то степени запалился – в обычный пояс они никак поместиться не могли. А я из него недавно еще и двадцать достаточно тяжеловесных монет достал. Но Капитану, которому я протянул пистолет с полной обоймой, было не до каких-то измышлений. Он – вот ей богу, не вру! – принял оружие дрожащими руками. Второй, где одним патроном было меньше, я, чуть поколебавшись, отдал Виктору Федоровичу, бывшему майору. Предупредив обоих, что боеприпасов больше нет, я поцеловал Галину, как и обещал, крепко и страстно.

А потом сбежал, решив, что каждая лишняя минута здесь будет грузить меня новыми проблемами. А у меня и так их было выше крыши. В том числе, одну я собирался решить сегодняшней ночью. Если получится, конечно...

Глава 3. Корабль «Этрия». Младший герцог ир Этринский, Глава Тихой стражи

Такого корабля, как «Этрия», в империи больше не было.

– Да и вообще больше нигде нет, – самодовольно подумал младший герцог, – оглядывая взглядом палубу внешне ничем не примечательного корабля.

Внешне – да, таких корабликов, как у него, бороздивших просторы океана и рек, было несчетное количество. А на Островах, где царила пиратская вольница, встречались суда и крупнее, и быстрее. Но такого точно не было. По сути, «Этрия» была одним огромным артефактом. Над ее созданием поработали практически все искусники, приписанные к Тихой страже.

– А еще больше не приписанных, – усмехнулся про себя Валлам ир Этринский, – своих-то, неучтенных искусников у меня сейчас побольше будет.

Но счету он предаваться не стал. Поднял взгляд, рассматривая нависший над высоким берегом Гары замок белого камня, логово его давнего врага, удельного имперского графа дум Гарского. Впрочем, сам Гарский о том, что Глава Тихой стражи уже вычеркнул его из числа живых, не подозревал.

– А может, и подозревает, – все же поправил себя Глава, нахмурившись, – не дурак.

Нахмурился он, впрочем, не оттого, что признал одного из своих противников достойным уважения, а из-за пассажиров «Этрии». Которых ему навязали в этот рейс. Взгляд, буквально гладивший палубу, в толще которой, как утверждали искусники, было тесно от линий защитных заклятий, наткнулся на группу людей в одеждах почти всех цветов радуги. Кроме Красного, который, по велению императора, в этом рейсе представлял он сам.

– Искусники! – буквально выплюнул он со злостью, какую не испытывал, пожалуй, даже к графу.

Потому что того же Вилима дум Гарского он превосходил – хотя бы по праву рождения – а вот искусником ему не стать никогда. Так природа распорядилась. И каждый из этих надутых индюков, вырядившихся словно на прогулку, конечно же, считал его, Главу Тихой стражи империи, человеком второго сорта.

Он опять уперся в скальный массив перед собой, и задумался, вспоминая тот день, когда волей императора он направился сюда, в графство Гарское.

– А все сам виноват, – проворчал он, – надо было графу Мерскому устроить несчастный случай, и все. А я, старый болван, решил, что железных доказательств, которые добыл с помощью Эльжбет, будет достаточно, чтобы Совет империи принял нужное решение в отношении его.

Совет и принял, и проклятый граф исчез, как и предложил Глава стражи. Но вот потом Совет насел на одного из своих членов, самого императора, и тот вынужден был обещать, что всех высокородных и особенно искусников, кого Тихая стража будет подвергать проверке, делать это будет только вместе с их коллегами, которых предоставят другие члены Совета. Главы ветвей. А тут как раз граф Гарский на очереди был. Валлам даже пожалел, что поделился уже с императором своими планами в отношении него. Золтану Двенадцатому Глава Тихой стражи не был указом, как бы не шептались, оглядываясь, в императорском дворце. Младший герцог бы и рад был подмять под свою волю дряхлеющего монарха, но не мог. Клятва, чтоб ей... Каждый высший сановник, а таких в империи набиралось всего дюжина, давали клятву на крови своему государю. Глава дворцовой стражи, Главный казначей, Главнокомандующий армией... ну, и он сам, Глава Тихой... Добровольно. Не хочешь, не давай. Оставайся в должности, на которой тебя могут послать...

– Вот как сюда, – тяжелый взгляд младшего герцога опять уперся в замок, – шесть десятков лет назад.

Тогда он был еще обычным старшим стражником, одним из помощников бывшего Главы. И именно он тогда поспособствовал тому, чтобы граф Вилим дум Гарский стал удельным и имперским. А если понятней, то просто прикончил его отца. Теперь, понятно, такими делами лично герцог ир Этринский не занимался. У него самого теперь были помощники; целая дюжина. И Тени – двое; самые опытные, и преданные...

– Ну, как преданные, – усмехнулся он, – смертная клятва на крови кого хочешь делает преданным. Как вот этих, Кана и Кардома, которые всегда рядом со мной. Можно сказать, еще одна пара рук – правая и левая. А я кто сейчас?

Его усмешка стала горькой – на том же Совете император надел на его шею знак Руки. Теперь ир Этринский мог и должен был творить расследование; карать или миловать именем Золтана Двенадцатого. А в придачу к Руке были посланы шестеро искусников. Достаточно высокого уровня, как предположил сам Глава. Из всех шестерых он лично знал лишь Фиолетового – высокого, сухого искусника с добрым, на первый взгляд, лицом. Салам уль Раззак, сильнейший после Главы ветви, Разумник.

– А может, и самый сильный, – предположил младший герцог, вспоминая недавнюю беседу с этим искусником, – как же тяжело с ним было. Так и казалось, что он читает мои мысли. Надеюсь, прочитал, что я предложу ему войти в Совет империи, стать новым Главой ветви. После того, конечно, как на престол взойдет Золтан Тринадцатый. А кто именно взойдет, как его зовут сейчас?

Семерка во главе с Рукой императора находилась сейчас тут главным образом, чтобы ответить на этот вопрос.

– Нет, не так, – поправил себя ир Этринский, – чтобы посадить на трон того, кого надо. Надо мне, Главе Тихой стражи. Хотя, у кого-то из этой шестерки могут быть свои, другие планы. Иначе их сюда не послали бы.

Дело в том, что передача власти в империи проводилась достаточно сложным путем. Если бы у Золтана, нынешнего императора, был истинный наследник, с Красной кровью, тогда да – никаких вопросов не возникло бы. Но такого наследника не было. И власть перейдет к другой династии. Так установил еще первый Золтан, который бросил такую кость своей аристократии – бывшим королькам и герцогам, пообещав им призрачное право на высшую власть в образованной империи. Почти две тысячи лет аристократия двигала своих представителей, как фигуры в настольной игре, надеясь, что именно их дом станет основателем новой династии. И вот свершилось!

Старой династии конец – тут сомнений не было. А кто станет Золтаном Тринадцатым?

– Золтан Первый, наверное, хохочет в своем склепе, – зло ощерился ир Этринский, – надо же было такое придумать!

Процедура выборов была такой. Трех глав Домов, которые в иерархической лестнице стояли выше других, заводили в тронный зал, где на троне лежала корона и, главное, императорский Знак. Закрывали за ними двери. А все остальные, включая Глав ветвей, и высших сановников, оставшихся без сюзерена, ждали перед ними нового. Того, кто мог принять их клятву, а мог и не принять. Все зависело от того, кто выйдет из зала. Мог выйти один, или двое, или все трое. Но корона и Знак будет на одном. Это будет – тут законы империи никто нарушить просто не сможет; Искусство не позволит, будь оно не ладно. Глава Тихой стражи ничего не мог с этим поделать. Но он мог как-то повлиять на то, какая именно тройка войдет в зал.

– И уже повлиял, – еще раз усмехнулся ир Этринский; он стоял у самого борта «Этрии», обращенного к замку, и его лица никто не мог видеть, – разве что из самого замка; но там, кажется, даже на стенах никого не было, – расслабились... не гоняет их дум Гарский. Ничего – новый погоняет. А насчет повлиял – это я про графа дум Мерского. И про дум Гарского, наде-

юсь. С остальными мой братец справится. Особенно, если я с ними предварительно поработаю... А это что?

Зрение у Главы Тихой стражи было отменным. И он прекрасно увидел, как из зеленого пятна – единственного куста, каким-то чудом выросшего на голой скале – вывалился человек.

И увидел не только он! Рядом, с двух сторон, оказались искусники, вызвав тем самым недовольное ворчание Теней. Глава поднял руку, показывая, что их вмешательства не требуется. Пока. Потому что первое же слово, вырвавшееся из уст Оранжевого – боевика, а значит, тоже весьма наблюдательного, заставила его голову заработать в усиленном режиме; новые варианты роились в ней, как пчелы в гнезде.

– Это искусник, – заявил Оранжевый, – раб. В ошейнике. Как он оказался тут?

– Да, – злорадно подумал ир Этринский, – именно этот вопрос я и задам графу дум Гарскому для начала. В твоём, кстати, присутствии, Оранжевый. А может, и в присутствии Руки твоего Главы – зачем-то ведь он прибыл сюда? Или ты не знаешь об этом, уважаемый?

Вслух же он спросил, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Что он там делает? Не утонет?

Впрочем, пловец там, под стеной, довольно уверенно загребал руками. Ответил первым правая Тень, Кардом:

– Плывет, твоя милость. Вниз по течению.

– Доставь его сюда.

Инициатива в Тихой страже поощрялась; как правило лишним грузом на плечи такого инициативного. Вот как сейчас, с Кардомом. Тень действительно мелькнула... тенью. Кардом в воду вошел без единого плеска. И потом обнаружить его было затруднительно; голова Тени появлялась лишь на краткий миг, чтобы глотнуть воздуха. Причем совершенно не там, где ждал ее сам младший герцог. А остальные – был уверен Глава – и этих кратких мгновений не отмечали.

– Скорее всего, на искусника, пловца смотрят. Ага – добрался.

Эти слова относились к Кардому. Пловец, достаточно резво перебиравший руками, вдруг взмахнул ими, и исчез под водой, успев издать лишь короткий испуганный крик. Который, впрочем, надо было еще услышать – за дальностью расстояния от него до корабля.

– Три сотни локтей будет, – прикинул Глава, – но Кардом справится. Как утопленника его тащить будет.

Искусник, тем временем, всплыл, но, как и предполагал ир Этринский, не сам. Его голова едва виднелась над водой так, что лицо с широко открытым ртом было обращено к небу. Глаза были закрыты, что хорошо стало заметно, когда оно оказалось ближе к «Этрии». Двигалось оно светлым, едва различимым пятном в мутных и холодных водах Гары, чуть наискосок, словно перерезая курс судна. Которое, впрочем, замерло на месте благодаря ленивой работе гребцов. Противостоять течению можно было и с помощью Искусства, но тогда затраты энергии в кристаллах были бы просто чудовищными – все равно, что кидать по золотой монете за борт каждые сто ударов сердца.

А Кардом, темную голову которого рядом со светлым пятном лица было заметить еще проблематичней, выбрал такой курс не случайно. Стражники на высокой стене замка все же были, и Тень не могла не отметить этого. А доставить груз вот так, скрытно, требовали навыки, вбитые за долгие годы службы в Тихой страже. Сам Глава действовал бы точно так же. Он пожегился, глянув за борт, в холодную темную воду, и поблагодарил... сам себя, за то, что смог подняться так высоко в службе, которую выбрал когда-то. Именно с прицелом на вот эту должность.

– Выше мне все равно не прыгнуть, – прошептал он невольно, короткой пробежкой – быстрой, но все равно наполненной достоинством и важностью – передвигаясь к противоположному борту корабля, – проклятое Искусство!

А там уже поднимали два тела. Впрочем, Кардому не нужно было помогать. Он поднялся по канату, спущенному до самой воды, быстрее, чем четверка дюжих моряков вытянула неподвижное тело пленника. Да – именно в этом качестве теперь пребывал человек с широким ошейником на шее. С изрядной долей злорадства ир Этринский велел тащить этого человека к свите, которую ему подсунул Совет. Теперь уже и Кан присоединился к напарнику. Две Тени вздернули раба, с которого ручьями текла вода, на ноги, и подтащили его к искусникам. Глава Тихой стражи сделал широкий жест рукой: «Спрашивайте!».

Он, конечно, и сам позже расспросит его; Кан с Кардомом большие мастера в этом искусстве. А не смогут (в этом были большие сомнения), у него, Главы Тихой, был запасной вариант; и не один.

Первым к рабу, одетым в странные, непривычные глазу одежды, шагнул Постигающий ветви Жизни. Да, все шестеро имели такой высокий ранг в иерархии своих ветвей. Об этом младшему герцогу доложили. Старания этого Зеленого искусника были очевидны – пленник пребывал без сознания, и обычным похлопыванием по щекам тут было не обойтись. Искуснику такого уровня не нужен был амулет; простейшее заклинание он мог сотворить практически мгновенно. И запитать его своей энергией, конечно. Впрочем, в том, что и у этого Зеленого, и у всех остальных с собой есть и амулеты, и обычные кристаллы с запасом энергии, ир Этринский не просто догадывался, а знал точно. Их, искусников, он пригласил на свой корабль в том числе еще и потому, что скрыться от его глаз на «Этрии» было невозможно; даже таким могучим в Искусстве людям, как эти шестеро. Были у них кристаллы, были. Искусникам, даже такого высокого ранга, присущи свои маленькие слабости. И одной из них была постоянная тревога за сохранность их истинных богатств; а может, просто любованье ими. По крайней мере, эти вот шестеро доставали свои амулеты, разглядывали их... некоторые даже беседовали – словно с живыми существами.

– Впрочем, в последнем может быть зерно истины, – с какой-то опаской подумал Глава, – наблюдая, как Зеленый Постигающий замер, положив руку на макушку раба, – у уль Раззака, Фиолетового, точно есть кристаллы с...

Он опять невольно взглянул в сторону замка. Где-то там находился его сын, Эмрел. Впрочем, Глава Тихой даже самому себе не называл старшего стражника так. Хотя возлагал на него большие надежды. Совсем не такие, какие можно было бы ожидать от отца к сыну. Нет, этот парень, живое напоминание о Эльжбете, был одним из вариантов спасения для самого младшего герцога – если придется бросать все и бежать. Этринский как никто другой знал, что бежать от Совета невозможно; в своем теле. Но у него было в запасе другое – молодое, с половиной его собственной крови; сильное и умелое. А уж сколько секретов знал Эмрел! В том числе тайники графа Мерского. Глава специально не стал вытягивать их из Эмрела. Так же, как связывать его клятвой на крови – вот как Кардома с Каном. Как там себя проявит Искусство, с этой клятвой? Дело ведь, с переселением души в другое тело, новое, неизведанное. Вообще никому практически неизвестное. Кроме его личного искусника из Фиолетовой ветви, и тех, на ком ставили эксперименты. Но последних можно не считать – воскрешать из пепла не умеют даже Главы ветвей.

Пленник, тем временем, задрожал; закашлялся, и буквально повис на руках Теней, исторгая из себя воду пополам с желчью. Так почему-то решил ир Этринский.

– Кто ты? – спросил Зеленый Постигающий, – почему на тебе этот ошейник?

Раб слабо трепыхнулся в руках Теней, и что-то сказал. Коротко и непонятно. Потом, очевидно, напрягшись, выдал несколько слов на имперском. Очень коряво и совсем неинформативно. Ир Этринский понял лишь одно имя – дум Гарский.

– Я мог бы попробовать прочесть в его голове..., – выступил от борта на пару шагов вперед Фиолетовый.

Младший герцог поколебался, но все же кивнул: «Пробуй». Салам уль Раззак к работе приступил, практически повторив действия коллеги из Зеленых. Разве что глаза прикрыл, и чуть скривил губы – ему мысли раба, если он их понимал, явно не нравились. А последний побелел еще больше, чем прежде, но дрожать перестал – безвольно повис в крепких руках Кана и Кардома.

– Нет, – отступил от пленника уль Раззак, – ничего не понятно. Он из имперского знает только ругательства. Какого-то барона ругает, имена странные называет. Увидел последнее, что видел он сам – идет по какому-то подземелью. Глубже не пускает... А говорит... точнее, думает на совершенно непонятном языке. Я даже близко не могу представить, из какой глуши притащил сюда его граф Вилим дум Гарский.

– Ага, – довольно подумал ир Этринский, машинально потирая щеку, на которой зачесалось большое приметное родимое пятно, – один из вас уже вынес приговор дум Гарскому: «Виновен!». А что остальные?

От «остальных» выступил Оранжевый. Он шагнул вперед незаметно даже для младшего герцога; его одеяние совершенно не было видно за фиолетовым уль Раззака. И только когда тот отступил, стало видно, как доверенный помощник Главы ветви Огня стремительно бледнеет – словно вся его сила и энергия перетекает в рабский ошейник, в который искусник вцепился сразу двумя руками. Вцепился так, что очевидно перекрыл поток воздуха в горло раба. А тот, напротив, от этого так же быстро краснел. Но – не дергался, хотя видно было, что уже язык у него начнет вываливаться от удушья. Уж Глава Тихой стражи знал, как это бывает. Он не бросился вперед, и не послал свои Тени, чтобы те помешали Оранжевому уничтожить улику. Напротив, довольно улыбался, представляя себе, как остальные искусники будут в лицах показывать вот эту картинку на Совете.

– Если понадобится, конечно, – он оглядел лица искусников, явно пораженных поступком коллеги, – теперь я уверен, что в этом замке (он чуть кивнул в сторону скалы и белых стен над ней) таких улик найдется на десяток смертных приговоров. А вот то, что ты сделал сейчас, станет первым звеном на цепи, в которую закуют Главу твоей ветви. Новому императору однозначно придется перетряхнуть Совет.

Искусник, тем временем, наконец, справился. Как понял ир Этринский, он выложился практически досуха. Так, что каких-то других эмоций, кроме усталости, выразить своим лицом уже не мог. Но раб, лицо которого достигло уже малинового оттенка, теперь был свободен – и от цепких ладоней, и от самого ошейника. Который свисал безвольно до самой палубы продолжением такой же вялой руки Оранжевого.

А Глава внешне вроде даже обрадовался – и заявил, добавив изумления в лица других искусников:

– Никто пока не доказал, что ошейник на этого раба надел именно граф дум Гарский. Но к утру я буду знать об этом точно. Так или иначе.

– Э.э.э... – протянул посланник Главы Зеленой ветви, который – это ир Этринский знал точно – сам никаких интриг не плел, – значит, у тебя есть кому рассказать?

Намек был более, чем толстый. Искусник сейчас прямо указал, что в замке графа дум Гарского есть шпионы Тихой стражи. А ее Глава лишь пожал плечами, улыбнувшись: «А как иначе?». И не удержался, поддел Оранжевого, в чье лицо медленно возвращался естественный цвет:

– Есть. Например, Рука уважаемого Главы ветви Огня. Он ведь сейчас здесь, в гостях у графа?

Оранжевый опять начал бледнеть. А рука его выпустила ошейник, который стоил теперь не дороже, чем кусок кожи, из которого был изготовлен. Но и его Кан, скользнувший из-за плеча своего Главы после слабого шевеления этого самого плеча, подхватил, спрятал – а вдруг понадобится? Ир Этринский же продолжил, поворачиваясь к уль Раззаку.

– Впрочем, мы можем это узнать прямо сейчас. Я прихватил с собой кристалл, который вытянет все из этой головы (он кивнул на раба, так и не закрывшего рот). И искусника, который этот самый амулет изготовил, – добавил он уже про себя.

– У меня тоже есть такой амулет, – улыбнулся Салам уль Раззак.

Младший герцог улыбнулся в ответ, медленно обведя взглядом полукружье, которым выстроились искусники, вокруг четверки из него самого, пленника и двух коллег – Фиолетового и Оранжевого. На последнем он и остановил взгляд. Тот опять начал бледнеть. Даже руки поднял в защитном отворачивающем жесте. Была такая способность у Главы Тихой стражи – он мог одной лишь мимикой лица, без единого слова довести до собеседника свою мысль. Особо, если они сами понимают, что именно им хотят сообщить. Сейчас это был вопрос:

– И кто из вас, уважаемые, готов поместить в себя мысли и душу этого раба? Побороться с ним за право существования в этой жизни?

Возможно, уль Раззаку был известен секрет Тихой стражи – то самое заклятие из ветви Разума, что обеспечивало, так сказать, высочайший уровень подготовки кадров в страже. Но вряд ли он рискнул бы применить его сейчас при свидетелях. Тем более, при нем, Главе службы. Обладатели секретов Тихой стражи если и живут, то очень недолго; как правило, только в ее подвалах. Теперь они улыбнулись друг другу понимающе. Фиолетовый даже с едва обозначенным поклоном: «Твой ход, твоя милость!».

– Так и сделаем, – кивнул в ответ ир Этринский, – только позже. Скажем, ближе к закату. Сейчас уважаемому уль Менару (так звали Оранжевого) нужно отдохнуть. Да и нам всем. Приглашаю всех на ужин. Капитан!

С небольшого мостика буквально скатился, и вырос перед хозяином низенький, но плотный человек в форме, с красным лицом – словно его тоже недавно душили. Но у капитана судна это был естественный цвет лица – постой-ка целыми днями под ветром. Младший герцог распорядился двигать дальше – в порт, и там встать на отдельную стоянку. Спросить – надолго ли? – моряк не успел; получил ответ раньше:

– До утра. В гости к графу дум Гарскому сегодня не едем.

На искусников он при этом даже не оглянулся; сам принял решение. И судьбой пленника тоже распорядился сам. Просто протянул руку одному из своих Теней – Кану, и тот вложил в нее новый ошейник; для непосвященных тот самый, что помощник недавно подхватил с палубы. Но это было не так. Ошейник был новый, действующий, и Глава Тихой запечатал его собственным перстнем, который всегда носил с собой. Оставлять непонятого раба, искусника неизвестной пока ветви и силы без контроля он не собирался. Парня увели в специальную каюту, из которой вряд ли вырвался бы любой из искусников, что спускались сейчас впереди хозяина корабля вниз, в большое помещение, где уже накрывали ужин.

– Разве что уль Менар, Огневик, – оценил он, глядя сверху на практически лысую макушку Оранжевого, – но сейчас он даже простой замок не откроет.

Он оглянулся. Светило уже клонилось к закату, и совсем скоро от корабля, уже в порту, отплывут сразу несколько лодок, среди пассажиров которых будут люди, умеющие задавать нужные вопросы и получать нужные ответы. И денег им уже выделили – чтобы угощать собутыльников в трактирах. Но одна лодку уже спускали на воду – прямо на ходу. В ней, кроме двух гребцов, находился Тень, Кардом. Он тоже дождетя ночи, а потом попробует проникнуть в то самое подземелье, которое уль Раззак увидел в мыслях раба. А после возвращения – и его, и других шпионов, которые (тут младший герцог усмехнулся) сейчас, конечно же, радуются, пересчитывая «командировочные» – он и примет решение. Осталось только выбрать, кто из двух Теней станет «богаче» еще на одну чужую жизнь.

Повар у младшего герцога Валлама ир Этринского был превосходным. Точнее, все его повара могли поспорить за право называться лучшим в империи. А здесь, на «Этрии» был постоянный, готовый в любой момент порадовать хозяина самыми изысканными блюдами.

Вкусы герцога он прекрасно знал, так что сейчас все пассажиры наслаждались в основном мясными блюдами, приготовленными самыми разнообразными, порой невообразимыми обычным разумом способами. Глава развлекался, приказывая подать гостям то или иное блюдо, и ожидая, когда изумленный искусник воскликнет: «А что это такое? И как его приготовили?». Иногда его пробивало на искренний смех – когда вопросы достигали до стадии: «А как это едят? И вообще – это едят?!». Особенно его веселил вид Зеленого, из ветви Жизни. Как утверждали его люди, а на всех пассажиров «Этрии» было собрано обширное досье, этот искусник питался исключительно овощами и фруктами. Ну, иногда рыбой. Сейчас же мужественно терпел, отщипывая по кусочку от каждого блюда, что ставили перед ним по знаку хозяина. Сам же герцог насытился быстро, и сейчас медленно потягивал любимое вино – сладкое и слабое, оставляющее голову ясной, а тело расслабленным.

Он как раз собирался отпустить очередную, совсем не злую шутку в адрес Постигающего ветви Жизни, когда теплая истома в теле вдруг сгустилась в одном месте, в груди. И этот комочек исчез, словно его вырезали, оставив внутри кусок пустоты. Младшему герцогу ир Этринскому такое чувство было хорошо знакомо – так неудобно он чувствовал себя, когда умирал его смертник – тот, кто добровольно связывал себя с ним клятвой на крови. Особой клятвой – где слуга кончал с собой после смерти хозяина, а хозяин... жил, но словно без какой-то части себя. Вот с такой пустотой он и встал, найдя взглядом Кана – живого, выступившего из темного угла с чуть бледным лицом. Тень сейчас проявил на лице чувства без повеления хозяина, и необходимости по службе. Он тоже почувствовал смерть «коллеги», и теперь улыбался виновато и потерянно. Но – тут же принял обычный, хладнокровный вид, и подтянулся, когда на нем остановился взгляд хозяина. А ир Этринский уже перевел его на других, словно прикладывая по голове искусников тяжеленным молотом своих глаз. И могучие Постигающие сейчас чувствовали себя детьми рядом с рассерженным взрослым, и вставали вслед за ним. А младший герцог вдруг сказал самым обычным голосом, в один миг прогнав из глаз это пугающее выражение:

– Ну, что – пойдем, развлечемся?

Это «развлечемся», сказанное совершенно обыденным тоном, тоже могло напугать до дрожания в коленях. Но развеял тягостное ожидание чего-то ужасного такой же спокойный голос Салама уль Раззака.

– Спасибо, твоя милость. Твой повар просто творит чудеса. Давно я столько не ел... и не смеялся. Твои шутки, твоя милость, были даже острее и вкуснее этого ужина. Если и твое развлечение будет не хуже...

Он улыбнулся – заговорщицки, точно так же, как до трапезы. И первым направился к лестнице, ведущей на палубу. Но раньше него там оказался Кан, получивший приказ хозяина. Языку жестов младший герцог и две его Тени обучились давно.

– Теперь придется учить нового, – с неудовольствием подумал ир Этринский, поднимаясь по лестнице последним.

И это чувство – неудовольствие, в том числе и тем, что Кардом позволил убить себя, не исполнив задачи, поставленной хозяином, было, пожалуй, главным, что сопроводило пустоту в груди. А на палубе, перед выстроившимися опять полукругом искусниками, стоял раб в ошейнике. Кан рядом был готов отреагировать на любое его не санкционированное движение. Впрочем, судя по испуганному, даже обреченному лицу раба, было понятно – ни о каком сопротивлении он не помышляет. Его, конечно же, накормили; блюдами от того же повара, пусть не так разнообразно. Даже вина, по приказу хозяина корабля, дали. Но это никак не успокоило пленника. А Главе Тихой стражи он нужен был спокойным. Точнее, не сам он, а его мысли, которые должны были стечь в кристалл упорядоченным потоком, а не бурной горной рекой, сворачивающей на своем пути «камни», а вместе с ними и целые глыбы информации. Два лица, обладавшие всей полнотой знаний о предстоящем ритуале, переглянулись.

Уль Раззак даже сделал было шаг вперед, чтобы помочь, успокоить пленника, «причесать» его мысли. Но тут же отступил, в недоумении, переросшем в откровенный ужас. Потому что навстречу ему выступил еще один человек, который знал о ритуале обмена разумами, пожалуй, больше, чем первые двое.

– Муджах..., – прошептал он в растерянности, – ты же умер!

Глава Тихой стражи едва не расхохотался в голос. Сюрприз, который не должен был случиться в этом рейде, все же случился. Встретились два Фиолетовых искусника, учившиеся в одной Школе так невообразимо давно, что, наверное, уже забыли и имена друг друга – еще те, детские – и лица, сейчас, конечно, изменившиеся до неузнаваемости.

– Гляди-ка, узнал, – чуть удивился он, – а ведь сколько лет прошло.

Именно он, ир Этринский, тогда старший стражник, организовывал «ужасное самоубийство» юного искусника-разумника; и именно он уже многие годы пользовался плодами его таланта. А то, что этот самый Муджах был гораздо талантливее и сильнее, как искусник, чем даже уль Раззак, у него не вызывало сомнения. Судя по результатам его труда. Но – не судьба... Точнее, как раз судьба, в лице младшего герцога ир Этринского.

Оба искусника отступили, вернув лицам равнодушную деловитость. Понимали, что никто не даст им посидеть, предаться воспоминаниям. Да и воспоминаний тех было... ничего приятного, одним словом. Салам уль Раззак вернулся в строй коллег, а личный разумник младшего герцога приступил к таинству. Как могли судить опытные искусники, не сводившие глаз с его действий, работал он с видимой ленцой, даже равнодушием. А значит, не в первый раз прикладывал вот так кристалл к голове подопытного, и бормотал что-то себе под нос. И водил над собственной ладонью, которой прижимал амулет к макушке застывшего на месте пленника, второй рукой, от которой – увидели бы Постигающие, будь у них с собой нужные артефакты – исходили волны фиолетового сияния.

А глаза пленника тускнели; с краешка губы показалась, и выросла, отвиснув до груди, тягучая нить слюны. Наконец, он всхлипнул, и начал заваливаться назад – прямо на руки Кана. Тень, казалось, работал сейчас за двоих. Вот он стоит за плечом господина, успевая следить внимательными, настороженными взглядами сразу за всеми на палубе. А вот уже аккуратно укладывает безвольное тело раба на деревянную палубу. И тут же, вслед за господином, шагает вперед, к Разумнику. Тот положил на ладонь хозяина крупный кристалл, переплетенный редкой, серебряной с виду паутиной; такой тонкой, словно ее сплел настоящий паучок. От нее тянулась более массивная цепь того же металла. Рука самого искусника была защищена специальной перчаткой, но на голую ладонь Главы он опустил кристалл без опаски. Не в первый раз, кстати. И так же, не в первый раз его лицо не отразило ни грамма превосходства, и жалости к своему господину, лишенному дара Искусства. Просто шагнул назад, и склонил голову.

Ир Этринский оглянулся, словно спрашивая взглядом у уль Раззака: «Справишься, уважаемый?!». Искусник ожидаемо кивнул с энтузиазмом. Даже не пытался скрыть своего волнения – не каждый день появляется возможность прикоснуться собственными руками к новому в Искусстве, неизведанному. Именно так расшифровал младший герцог едва заметную дрожь руки, защищенной перчаткой из волокон даба. О том, что каждый искусник подобного ранга имеет при себе дежурную пару таких вот перчаток, ир Этринскому было известно; Постигающие, к тому же, еще и целые коллекции амулетов и кристаллов при себе носили. И Валлам их понимал. Сам был таким, помешанным на собственной безопасности. Корабль, его «Этрия», был тому доказательством. Сейчас на палубе царил полдень, хотя на недалекий отсюда порт давно опустилась ночная тьма. Где-то там, в скоплениях огоньков, буйно кружила жизнь; рекой лилось дешевое вино и разбивались бутылки о пьяные головы. Но ни об одну из тех – был уверен Глава Тихой стражи – которые сейчас впитывали информацию, чтобы донести ее до него. Они, его «глаза», сейчас могли смотреть и на рейд, но «Итрию» мог рассмотреть только самый зоркий глаз. Ну, или вооруженный магическим амулетом, способным передавать обычному

зрению картинку и этого света, залившего сейчас пространство, в котором замер корабль, и тончайшую сеть заклинания, не позволявшего им, лучам света, вырваться наружу, и другие паутинки самых разных цветов радуги – отвечавшие за физическую и магическую защиту, и за то, чтобы незамеченным не пробралось к судну ни одно существо, превышавшее размерами крысу.

Уль Раззак завел свою «песнь» – уже над головой Тана, в которую ир Этринский решил подселить еще одно сознание.

– Оно там будет не первым, – краем сознания размышлял Глава, основную часть его направляя на действия Разумника, – больше только у Эмрела. Но у него, так сказать, склад, которым я когда-нибудь воспользуюсь. Кажется, началось.

Некоторую досаду вызывал тот факт, что его последняя Тень какое-то время будет небоеспособен. Но это можно было стерпеть; представить себе, что кто-то в здравом уме осмелится напасть на Главу Тихой стражи, а сейчас и Руку самого императора, было просто невозможно. Но на случай этой «невозможности» были и вот эта «Этрия», и амулеты, и другая охрана. Да и сам младший герцог в бытность его старшим стражником был бойцом не из последних. Не таким, конечно, как те же Кан с Кардомом, ну, так они еще и искусники огненные неслабые.

– Был неслабым, – вспомнил другую Тень младший герцог, поморщившись, – кто же тебя сумел подловить? Может Эмрел? Тогда что – мальчик начал свою игру? Решил, что с золотом и артефактами графа Мерского он может обойтись без стражи и ее Главы? Или Кардом попал в ловушку? И этот парень, раб, что лежит сейчас на палубе – пустышка; точнее, приманка, на которую должна клюнуть жирная рыба? Кто – я?!

Тяжелый взгляд остановился на несчастном рабе, и тот словно почувствовал чужое внимание; загугукал, и попытался встать на колени. Ничего у него не получилось. Для самого ир Этринского нового в этой картине не было. Он видел в таком состоянии и графа Мерского, и искусника уль Дениза, и свою бывшую женщину, Эльжбет.

– Не бывшую, – самодовольно ухмыльнулся он, – эта «малышка» не умерла, как о том думают все причастные к этой тайне. Даже Эмрел, который нанес ей роковой удар. Как он думает. Нет – она уже научилась ходить, улыбается, когда видит меня, и никакой «Мерский» не обнаружит теперь мою живую игрушку. А вы смотрите, впечатляйтесь.

Он повернулся к искусникам, разглядывая теперь, как по-разному они воспринимают парня, впавшего в младенчество.

– Может, представляют себя на его месте. Вон, как Зеленый кривит свои губы. А это что?!!

Он обернулся на страшный хрип своей Тени. Кардом стоял, покачиваясь и дико вращая глазами. Его взгляд метался между ним, хозяином и небом – словно Тень примерялся к чему-то там. Наконец, взгляд его остановился – на лице хозяина. Его собственное стало виноватым, а потом решительным. Вперед протянулась ладонь, от которой ир Этринский в ужасе отшатнулся. Точнее, не от самой ладони, а от крупной горошины красного цвета. Эта багровая краснота словно рвалась наружу из-под тонкой оболочки, которую – знал младший герцог – только стоило лизнуть...

Рука Тени не дрогнула, когда направляла страшную горошину в рот. Лицо его стало меняться – словно таяло внутри, сминаясь под кожей и превращая человеческий облик во что-то ужасное. И все тело – к которому рванулся с вполне очевидной попыткой помочь Зеленый искусник – тоже.

Ир Этринский успел, перехватил Постигающего за плечо, и отбросил его назад, уронив его телом на палубу еще пару искусников. А сам зашипел-закричал в пол голоса, но так, что услышали все вокруг; может, этот негромкий вопль даже сквозь паутину заклятий прорвался – столько в нем было энергии:

– Не смей, не подходить! Это амулет с ядом Большой змеи Запретного Леса.

За спиной все замерло; лишь несколько шумных всплесков – у кого-то из моряков не выдержали нервы, и несколько человек спрыгнули в воду. И немудрено! Страх перед самым сильным, не поддающемуся лечению ядом этого мира был столь велик, что даже самый младший герцог решил – ему придется менять корабль.

Его обтекли две тени,двигающиеся настолько слаженно и стремительно, что невольно возникала мысль – эти двое Постигающих давно работают в паре.

– Ну, или специально тренировались для этой поездки, – решил герцог, не сходя с места – чтобы даже малейшая частица воздуха, стронутая его движением, не зацепилась за его одежду, или, что во сто раз страшнее, за открытую часть тела, – хотя разницы особой нет – результат будет один.

А искусники – Голубой воздушник, и Оранжевый огневик действовали с бесстрастными лицами, словно у них в запасе было еще по одной жизни. Всего несколько движений, и внутри высокого и незаметного глазу цилиндра, который своими обводами заключил в себя тело Тени, бушует пламя, от которого сам Глава инстинктивно отшатнулся, хотя самого жара и не почувствовал. Он так и замер, рядом с двумя Постигающими, и отмер только, когда цилиндр опустел, и воздушник махнул рукой, развеивая его. А сам Глава, для проверки, машинально зашвырнул на черное пятно, которое возникло на палубе, тело раба, который тоже пытался отползти подальше от этого яркого столба. Тот теперь заревел в полный голос, явно отбив себе конечности, на которые упал. И это было жутко, но никто не решился войти в этот черный круг и заткнуть ему рот. Но решение было – его озвучил уль Раззак.

– Я бы, на всякий случай, сжег и это тело тоже, – посоветовал он не очень решительно.

– Нет, – отрезал ир Этринский, – он нам еще пригодится.

«Нам», означало «мне», и это, наверное, хорошо поняли остальные. Но возразить посмел лишь Оранжевый, который сейчас в какой-то мере чувствовал себя героем. Правда, его протест не был связан с жалким рабом. Он повернулся к младшему герцогу, изобразив на лице гнев. Впрочем, наткнувшись взглядом на Главу, глядевшего на него с явным интересом; чуть ли не ждущего, когда кто-нибудь осмелится предъявить претензии (вполне обоснованные, кстати), обрушился все-таки этим гневом как-то неубедительно, жалко:

– Применение в империи яда Большой змеи запрещено. Равно как владение, хранение, покупку и продажу. За все это одна кара – смерть.

– Ну, Кардом ее уже нашел, – криво усмехнулся ир Этринский, констатируя факт скорее для себя, чем для добровольного обвинителя, – вопрос – зачем он это сделал? Или почему? Что такого он узнал вон от этого?

Очевидно, что этот вопрос волновал остальных не меньше, чем его самого. Но ответа на него не было ни у кого. А, нет – вон, Фиолетовый тянет руку, привлекая внимание.

– Он... – начал уль Раззак.

– Кардом, – подсказал младший герцог.

– Да, – кивнул в благодарности искусник, – Кардом. Он был как-то связан с собой, твоя милость?

Ир Этринский, сделав внушительную паузу, все же кивнул:

– Да, уважаемый уль Раззак, он был моим кровником. Смертным.

Лица искусников опять вытянулись. В факте, который озвучил Глава Тихой службы, не было ничего предосудительного, противозаконного. Только вот даже примерить на себе шкуру человека, добровольно отдавшего право распоряжаться жизнью другому; фактически в рабство без права освобождения, было страшно. Лишь уль Раззак стоял со ждущим лицом. Которое вдруг начало вытягиваться в понимании, а потом в заметном ужасе. Ну, может, это было сказано слишком громко, но на раба, ползающего по пятну, он глянул с заметной опаской.

– У меня есть лишь одно объяснение, – заявил он осторожно, – тому, что сотворил с собой...

– Кардом! – еще раз подсказал в нетерпении младший герцог.

– Так вот, – продолжил Фиолетовый, – этот человек спасал тебя, твоя милость.

– От чего меня надо спасать? – Глава даже подбородок вздернул повыше, словно показывая, что единственный, кто может что-то сделать с ним, это император; Рукой которого он сейчас является.

А уль Раззак словно услышал его последнюю мысль.

– Даже над императором нависнет меч закона, если в его крови обнаружится хоть капля Черного Искусства.

Да, это было прописано в своде законов, который больше двух тысячелетий назад написал Золтан Первый. Ни одного императора с тех пор это не коснулось.

– А меня? – невольно вздрогнул ир Этринский.

Искусники как-то незаметно начали отодвигаться от него. Кроме Фиолетового. Салам уль Раззак стоял расслабленным, даже чуть улыбался. И разглядывал с высоты своего роста раба-младенца – словно жука, которого собирался разобрать на органы. Он и заявил, явно успокаивая всех:

– Ну, про Темное Искусство здесь пока никто не доказал. И Кардому (запомнил-таки!) могло просто почудиться. Одно из воспоминаний этого... э.э.э... человека, – он совершенно бесстрашно пнул ногой раба, все же ухитрившегося встать на колени, а сейчас завалившегося обратно на бок, – но если завтра граф Вилим дум Гарский заявит права на этого раба, то...

Теперь даже Оранжевый не посмел возразить, хотя – как уже давно понял ир Этринский – этим двум Постигающим в отношении графа дум Гарского их Главы поставили совершенно разные задачи. Скорее всего, прямо противоположные. Вот только...

– А если этот раб не Черный?

Сомнение на этот раз высказал Синий, искусник Воды. Сам Глава склонялся все же в пользу уль Раззака. Потому что знал многое, если не все о недавних событиях в Лесу, о Черной искуснице, убитой там, и о ее силе, которой не смог противостоять даже такой опытный Ищущий, как Данир уль Масхи.

– Ну, не таким уж он могучим искусником был, – вспомнил ир Этринский единственную встречу с уль Масхи, – а зачем он, все-таки, поперся в Запретный Лес? Нет, не так – почему Эмрел отпустил его туда? Или он действительно ведет свою игру? Завтра же. Да – завтра надо его увидеть. А пока...

Пока же улыбнувшийся еще шире младший герцог предложил самому Синему проверить; убедиться в том, что рассуждения Фиолетового искусника ничего не стоят. Или, напротив, единственно верные. Потом повернулся к остальным, но все заслонились отвергающими жестами. И младший герцог их понял. Все просто. Если кто-то из них определит в рабе Черного искусника, Рука императора обязан – по все тем же законам первого Золтана – уничтожить его на месте. Не среагируют – та же мера наказания уже для него. Но такое представление откладывается. Точнее, переносится – во дворец графа Вилима дум Гарского. Даже Оранжевый, кажется, в нетерпении. Хотя ему, как раз, сейчас бы выйти, и достать артефакты... не вышел. А сам Черный... Да ничего он сейчас не может. Ни сейчас, ни в ближайшее время, пока не войдет в разум. Да и ошейник...

Ир Этринский еще и посильнее заинтересовать искусников решил:

– На ваш суд, уважаемые. Завтра вы сами отведете... или отнесете вот это, – он ткнул в раба, как в пустое место на палубе, – в замок. Без меня. Сами огласите приговор, и сами его приведете в исполнение. Я, младший герцог Валлам ир Этринский, Рука императора Золтана Двенадцатого, приму любое ваше решение.

Глава 4. Гара, река и столица графства. Барон ван Столбов

– Барон я, барон – чего оглядываетесь?

Прохожие на улице Внешнего города не просто оглядывались на меня, гордо восседающего на Вороне. Некоторые кланялись; другие демонстративно отворачивались. Наверное, плевались потом вслед. Не наверное – точно плевались, и проклятия вслед посылали. Негромко, чтобы я не услышал, да не повернул лошадку, чтобы огреть плеткой, или даже саблей.

– Ну, плетки у меня как раз нет, – улыбнулся я, – и сабель не видно. А все слышу и вижу, даже не оборачиваясь – спасибо Эмрелу. Но поворачивать придется. Вместе с конем. Потому что это не разведка получается, а демонстрация самого себя. Смотрите, люди – барон Михаил ван Столбов собственной персоной едет в порт, встречать корабль Главы Тихой стражи, младшего герцога Валлама ир Этринского. Язык сломаешь, пока представишь. Неужели так и представляют на приемах? Ага – еще и длинней. Теперь еще и про Руку императора забывать нельзя. А я не гордый; тебя, уважаемый, как попроще называть буду. Просто герцог – годится? Других герцогов, кажется, на горизонте не видно. Если только вот этот парочку с собой не прихватил. Но тогда одним кораблем точно не обошлось бы. Итак, решено. Придется пока отменить разведку.

Я действительно хотел по-быстрому сгонять в порт, смешаться там с толпой и проследить за герцогом. А точнее, за Олегом. А все обещание Катеньке, чтоб ей... нет – ничего плохого ей желать не буду, вдруг сбудется. Магия, чтоб ей тоже.

– Ага – смешался с толпой. Она такого, как я, примет, только чтобы сожрать, и косточки выплюнуть. Так что, возвращайся, твоя милость барон, во дворец, к графу. Может, перехвачу его как-то.

Я действительно развернул коня; резко, так, что два каких-то проходимца едва выскочили из-под копыт Ворона. Но ругаться вслух не рискнули – что-то такое прочли в моем лице. А я прибавил скорость, и скоро подковы уже процокали по каменному мосту, и звонко застучали по проспекту. Решил было повернуть направо, к трактиру Ганида; даже остановил Ворона. Но решив, что оттуда быстро не выберешься, а встреча с графом прямо-таки критично важна, тронул уздечку так, что конь зашагал прямо. И опять по обе стороны проспекта тянулись заборы с шапками деревьев за ними и шпилями дворцов; и стояли у ворот охранники, провожавшие меня настороженными взглядами. Парочку я даже узнал – они недавно были на конях, в свите барона Воляна. Еще и эту проблему решать надо. Будем надеяться, что никто мне настроение не подпортит перед поединком. Вот, как Олег. Точнее – пусть сам барон надеется. Иначе...

Внутри замковой территории верхом можно было только самому графу и сопровождающим его лицам. А мне? Я не гордый – говорил уже? Слез, и пошел, ведя Ворона за узду. Пристроился к таким же горемыкам, что брели куда-то с лошадами; в отличие от меня, целой группой. В конюшню, естественно. Я, почувствовав знакомый с детства запах, ускорился, и обогнал эту группу, которая не посмела вякнуть. Потому, наверное, что у них ни у кого с шеи баронский знак не свисал. Так что я сдал своего Ворона прислужнику, в надежде, что слуги потом найдут его, и отправился проверить пост, который нес искусник, Рука Главы Оранжевой ветви. Даймира уль Фасона рядом с Джоком, что охранял вход в погребальный мемориал графов Гарских, я не обнаружил. Обманул, гад, сбежал. Наверное, дошло до него все-таки утверждение стражника о том, что до утра самого графа ждать бесполезно. Уточнив, на всякий случай, когда именно здесь начнется утро, и за сколько времени нужно занимать очередь, чтобы

попасть хотя бы в первую дюжину посетителей, я получил в ответ пожимание плечами старшего стражника графского войска, и тоже ушел. Не искусника искать, конечно. В свои пока еще покои, где меня тоже никто не ждал.

– Опять вру, – я совершенно беспричинно улыбнулся, – Иван Сергеевич ждет. Не забыть бы его тут в запарке. Хотя наш скорый отъезд мне кажется все более и более проблематичным. Ага – еще и слуги.

Я вошел в коридор, где присели в подобии книксена две служанки. Отметив, что самую красивую из троицы забрала с собой Галя (это официальная версия; на самом деле тут без Кати с Лидой не обошлось), я велел накрывать на стол. А сам в спальню пошел, тщательно закрыв за собой дверь. Не потому, что испугался этих девиц; что они ворвутся вслед за мной. Просто решил, что после встречи с графом могу сюда уже и не вернуться. А тут еще сейф уль Дениза в стене не выпотрошенный. Меня ждет. Я бы и раньше прибрал его содержимое к рукам, точнее в пояс, где нашлись бы отдельные карманы и для золота, и для кристаллов, которые составляли часть богатств Гарция. Он, кстати, тоже не был таким уж абсолютно доверчивым лопухом. Предполагал, хотя и надеялся на лучшее, что вызов в столицу мог быть связан с темными делишками; его с графом. И свои сбережения с собой не захватил.

– Ну и правильно, – похвалил я ту часть самого себя, которая раньше была Оранжевым Ищущим Гарция уль Денизом, – не досталось супостатам кровно заработанное. Мне досталось.

Это я так комментировал процесс выгребания золота из железного шкафа, скрытого в стене деревянной панелью. Затем настала очередь кристаллов, среди которых обнаружили (вот память дырявая! Не моя, уль Дениза) три полностью заряженных. Конечно, не удержался от эксперимента. Заменял в поясе пустые «батарейки» на эти, полные. Присмотрелся – никакой разницы заряженных собственной энергией, и той, что Гарция сцеживал по капле, пряча от графа, не обнаружил. Больше того – энергия в кристаллах перетекала из одного в другой. Тот, что светился чуть слабее остальных, третьим в ряду, теперь стал шестым. Я понятно излагаю? В общем, в поясе остался лишь один пустой кристалл. Ну, я и заполнил его – своей энергией, что успела накопиться... неизвестно, до какого уровня. А что – все равно сейчас ужинать. Так я аппетит не хилый нагулял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.